

Серия NON-fiction премии-медали им. Ивана Грозного

ЕВГЕНИЙ НЕБОЛЬСИН

ПОЧЕМУ НАДО ПОДДЕРЖАТЬ ПРЕЗИДЕНТА

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ

Вариант направления развития идей
марксистско-ленинской теории

*Диалектический материализм
только тогда имеет право называться
наукой, когда он находится в процессе
становления, эволюционного
развития к более совершенным формам.*

И. В. Сталин

Евгений Анатольевич Небольсин
Почему надо
поддержать президента?
Основные вопросы
Серия «Non-Fiction»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67760270

Почему надо поддержать президента? Основные вопросы:

Интернациональный Союз писателей; Москва; 2022

ISBN 978-5-907564-35-0

Аннотация

Новое время Руси перевернуло мир и обозначило в нем иные ценности. Теперь государство – не карательный инструмент, а способ раскрепощения свободы, любви и радости в Боге. Так формировалось человечество, и благодаря преданности данным принципам оно могло существовать, преодолевать все самые жесточайшие отборы и переживать самые страшные катастрофы. Именно по этой причине эти тексты будут актуальными всегда, при любом президенте и в любой стране. Наше время Руси раскрывает древние правила бытия в контексте современных запросов человечества. Новое – хорошо забытое старое.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие	5
Установка, или Как позиционируем себя в суждениях	15
Познай себя – и познаешь мир	18
Эволюция. Что это?	76
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Евгений Небольсин
Почему надо
поддержать президента?
Основные вопросы

© Евгений Небольсин, 2022

© Интернациональный Союз писателей, 2022

Предисловие

Для того чтобы начать изложение мысли, мне думается, что есть необходимость сделать краткое обобщение всех моих опубликованных книг. Труды мои можно сравнить с творчеством того художника, который рисует во всех своих портретах одно и то же лицо, но каждый раз, на каждом новом полотне пишет разными наборами красок, различными инструментами подчеркивает еще одну уникальную его грань. То есть во всех книгах пытаюсь выразить одно и то же, но разными ресурсами, разными способами и различными палитрами. В понятия краски и кисти вкладываю общеизвестные течения мысли. Рисую живое, и получается хорошо в глазах любящего сердца. Дело в том, что всякая научная доктрина, научное выражение или мысль несет одно из двух – либо ложное, либо истинное значение. То есть ведет либо к смерти, либо к жизни. Чего-то третьего нет. Так вот, оказывается, ничего не меняя в любом научном утверждении, ничего не ломая и не разрушая в научной доктрине, можно так расставить акценты, что всякое из них мысленное заключение становится еще одной формой богословия. Это как в той фразе: «Казнить нельзя помиловать», в пределах структуры коей, ничего не ломая в ней, можно менять смысл на противоположный. Таким образом, «всякое дыхание да хвалит Господа», или все должно вести человека ко Христу. Таким

образом, научный анализ, оставаясь в прежнем его виде, в моих книгах стал новой формой исповеди о Творце, и благодаря этому в нем нет тупиковых течений мысли, но всегда в образе Божьем одно последовательно связано с другим. Если мы посмотрим на современную науку, то увидим, что развитие она получила именно там, где ученые интуитивно уже были в тупике. К примеру, квантовая физика. Вроде бы великие ученые, а в уме держат то, о чем они пытаются высказываться в своих суждениях. Перед ним материя, и он рассказывает о материи, вместо того чтобы с помощью ее говорить о ее первопричине. В результате ученые не смогли сказать самое главное – о человеке, а потому не смогли высвободить колоссальные энергии в его образе, но высвободили энергию в образе ином – в безобразии временности бытия, толкнув человечество к пропасти. Скажите, это Истина? Ныне мы все стоим перед необходимостью очеловечения энергии, то есть ее надо как-то обуздать, направить в нужное русло и соделать миротворчеством.

Что такое истина или ложь? Истинный путь – путь жизни, а путь ложный – всегда гибель. В данных критериях идут все суждения. Люди ищут истину, чтобы жить. От этого научный анализ структурно и фактически ничего не теряет, но, с одной стороны, перестает быть инородным для жизни и даже несет жизнеутверждающее влияние. А с другой стороны, повторяюсь, появляется еще одна точка опоры для поиска Истины, открываются новые горизонты обозрения. Мож-

но бесконечно вести усложнения и уточнения в изложении мысли, чтобы подчеркнуть что-то важное, но все это остается в пределах простой мотивации мыслителя, то есть в пределах того, что он хочет видеть. То, что он ищет, – то и попадает в поле зрения ему, то и находит. Если человек любит, то видит закон любви в верно построенной логической цепи. Для него это только лишь еще одна возможность сказать слово любви, только теперь уже с помощью данного специфического языка анализа. Не более того. Анализ от этого ничего не теряет абсолютно, он остается тем же. К примеру, если сказать, что все в мире относительно, то, согласно сему, на абсолютно черном всегда найдется белая точка, и потому если те, кого мы любим, скажут, что черное – это белое, то мы согласимся, ибо найдем именно эту точку. Иными словами, во всей этой изменчивой всеобщей относительности мы будем искать постоянство-твердыню любви, ее постоянства, ступая по коей идем уверенно даже по воде, словно по суше. Этими находками и открытиями мы счастливы даже в аду. И потому не ведаем о том, что вокруг нас ад. Такова природа жизни и всякого научного анализа – любящее сердце ищет путь жизни даже в бездне неведения и, когда его находит, делает открытие и кричит: «Эврика! Я нашел». Именно поэтому люди верят тем, кого они любят, ибо только путь любви может быть жизнеутверждающим и безопасным, даже если он идет через скорбь Голгофы. Эти люди и есть настоящие ученые, ибо во всем просто ставят акценты сообразно жиз-

неутверждающей яви. Сие нормально, а потому жизнь надо принимать такой, как есть.

Кратко все содержание книги можно свести к простой мысли о том, что аскеза – основа всех наук. Ибо земная жизнь – это хождение верными путями, и нам ничего, кроме именно этого знания, знать не хочется и не надо. Человек рожден в Раю, и естественно ему быть только в счастье и счастливым. Вне радости бытия жизнь невозможна, ибо счастье есть основа природы каждого из нас. Ничто не изменилось и после грехопадения, Бог по-прежнему дает дары Свои, чтобы мы были в радости. Вопрос в том, что мы это не принимаем должным образом и оттого мучаемся. Вне межличностных отношений в бытии ничто существовать не может, а потому можно сказать, что все вокруг – это такая речь в межличностных отношениях. К примеру, Творец послал нам кусок мяса. Это такое Слово Его нам. Если мы неправильно его примем, то вместо пользы эта вырезка становится ядом, и человек гибнет. Мясо надо порезать мелкими кусочками и сварить, а потом уже принимать в пищу. Да, этот дар Божий надо обработать, прежде чем его съесть, и вот это-то и нужно сделать трудами в поте лица. В этом же прообразе все вокруг. Бог дает человеку мир не для мучения, а для счастья. И если мы принимаем его не так, как должны принимать по Замыслу Творца, то мир становится для нас адом. Эта мысль была белой линией древней славянской традиции. Если человек верно принимает мир, то он способен на вы-

дающиеся подвиги в аскезе, не замечая даже их тяжести, как не замечает процессов дыхания, пищеварения в себе и иных функционалов внутреннего мира. Для древнего актуальным был только один вид подвижничества, который и особо хорошо почитался, – это труд. Считалось, что тот, который мог работать не покладая рук и без еды сутками напролет, – тот и живет в Истине, максимально к ней адаптирован, трудами в поте лица наиболее естественно вписался в Природу Творца. Для него мир не враждебен и не является адом, а часть его физиологического процесса. Именно это-то мы увидим в подвиге многих русских святых. Прп. Серафим Саровский, к примеру, стоял на камне три года. Между его природой и Божественной не было противоречий, на нейтрализацию коих нужна энергия. Человечество ставит себе именно эту цель – жить в радости полной гармонии с Богом, а потому абсолютно все научные течения могли быть посвящены только ответу на эти вопросы, кои ставит себе наука аскетика. Вне этого предопределения научный анализ становится инородным природе всего и несет в себе только смерть всему. Что, к сожалению, ныне происходит. Ведь наука ставит себе позицию-цель не «здоровый бедняк счастливее больного короля», а ставит ложную установку – «король», который всегда болен, то есть отрицает аскетику, вместо того чтобы помочь ее правильно в себе организовать. К примеру, ради верного аскетического делания люди построили Стоунхендж и могли иметь календарь. Это мегалитическое строение есть олице-

творение всего Древнего мира. И нам следовало бы жить, сообразуясь с этим пониманием порядка вещей. Любовь Божья к человеку – основа, ибо Он постоянно нам дает Дары Свои, кои мы должны правильно принимать, чтобы жить вечно в поте лица. Царство Небесное для славян трудовое, в Нем нет места отдыху, ибо от счастья не отдыхают и от радости не ищут избавления. Земное бытие – это такой способ быть в Раю с Богом. Таким увидели Христа те далекие наши предки и таким Его приняли, ибо Его подвиг не был покушением на природу человека, не стал инородным Ему даже на Голгофе, и потому Он остался жить. Такова вера древних славян, труд которых сутками напролет не был покушением на физиологию человека, а был естественным ее продолжением. Царство Небесное внутри нас – не пустые слова для древнего жителя Севера, ведь наше сердце непрерывно в движении в течение всей жизни, оно не спит и не ищет отдыха. Так вот, Царство Небесное на земле, как на Небе, имеет еще и такой смысл: надо быть в постоянных трудах в образе Бога внутри нас. Абсолют труда без усталости и отдыха становится тем ориентиром, который подчиняет себе все естество человека и его образ мысли. Просто славянину надо было жить в суровых условиях, в коих день год кормит. А потому и данное представление о подвиге было приоритетным и наиболее значимым, и находки в этой сфере стали первым научным достижением. На Голгофу восходить – это редкость. Поэтому-то и провожу исследования верного понимания подвига.

Мы восходим на вершину не для того, чтобы там остаться, а чтобы безопасно вернуться домой, чтобы покорять новые вершины. А «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал» – такова природа человека, призванная соединить собой Вершину вершин и это бытие.

В этой книге вычленил самые острые моменты, кои разработаны в моей же другой книге, в пяти томах, «Русская философия. Анализ истории» (более 3500 страниц). Вычленил и адаптировал к сегодняшней ситуации в мире. Ведь кроме общеизвестных наук и богословия есть вопросы более животрепещущие, в коих, чтобы сказать слово любви, также очень важно правильно расставлять ударения, акценты и запятые, ибо любовь превращается в террор «медвежьими услугами». Речь идет о современной ситуации в стране и мире. Иными словами, в этом издании преследую ту же самую цель: своеобразно или специфично сказать еще раз о Боге – на понятийном языке взаимоотношений современного общества. Ведь вести разъяснения о текущем моменте – всегда важное дело для любого коллектива, ибо это есть миротворчество. Ведь каждому важно видеть свое место счастья в этой семье, чтобы, заняв его, успокоиться и счастьем быть в общем строю торжества жизни над смертью. Мы хотим, чтобы каждый человек творил дела любви в полном согласии с окружающим миропорядком и был счастлив еще и оттого, что все его понимают и принимают его жертву должным образом.

Поэтому, чтобы не было разночтений и разброса, есть необходимость для начала всех привести к единой позиции, к одной точке созерцания на мир, с коей все согласны без исключения. А потом на этом основании построить понятное всем изложение некоторых моментов своего видения будущего страны и всего человечества. Это естественная нормальная рутина, коя сопутствует изложению любого материала. Благодаря чему каждый сможет выстроить свой путь торжества праздника жизни.

Как мы придем к этому? Сперва изложим некоторые вводные моменты, а потом уже на их фундаменте сформулируем важные обоснования того, что монастырский образ жизни ведения хозяйства – естество человека и основа мироздания вообще. Приступая к изучению содержания, прошу набраться терпения. Тем более что читать тут немного.

Человечество появилось не вчера и не позавчера, то есть все ответы уже как-то оформились в нем. Посему не будем изобретать велосипед, а просто посмотрим решение наших проблем у самых древних в их натурфилософии. Изначально следует сказать о том, что сама природа человека – это есть молитва Богу, о чем приведены тут обоснования. Поэтому все то, что хоть как-то оформилось как реальность или связано с деятельностью человека, имеет только одну цель – усилить эту молитву Творцу. Вне этого предопределения ничто существовать не может, и не могло, и даже не возникло как реальность. Если мы присмотримся к природе человека,

природе живого, то увидим еще одно важное для нас. Человек не только принимает Слова Творца, но и обременен еще одним – пытается как можно дольше хранить в себе их присутствие и память. Поэтому в природе нет ничего лишнего, что мешало бы этому, все лимитировано и оптимизировано, а с другой стороны, стремится удержать как можно дольше в себе Его присутствие. Поэтому в природе человека всегда будет присутствовать анализ и число как олицетворение обобщения опыта аскезы, формы подвижничества. Ныне вводят QR-коды, это как раз из этой оперы. Но без Благодати Духа Святого никакого значения сие иметь не может. Присутствие Божье всегда будет приоритетом.

Поэтому будем изучать опыт древних, принимая во внимание только эту линию мировосприятия. Но, для того чтобы понимать их формы исповеди Бога, необходимо для начала научиться говорить на том понятийном языке и вооружиться тем набором понятийных инструментов, коими активно они пользовались. Это важно сделать, ибо ныне мы потеряли образ миропонимания, естественный тем древним народам. (А зря, ведь без этого звена разрывается вся цепь суждения и возникает хаос в образе мышления. Без этого нам вообще надо отказаться от всякого мыслительного процесса, от всякой попытки понять происходящее.) То есть, чтобы понимать то, о чем они говорили, будем изучать не сам язык, а саму философско-богословскую доктрину, коя излагалась посредством речевых оборотов и слов. То есть их об-

раз-схема миропонимания хоть и тривиально проста, но постоянно должна стоять перед глазами, ибо очень важна для мировоззрения человека, поскольку в пределах его идут все известные ныне формы усложнения мировоззрений. Из-за того что мы отказались от этого, сочтя сие пережитком прошлого, – начали тонуть в бесконечных усложнениях, постепенно теряя не только свое национальное лицо в известных мировых религиях, но и не вписываемся в более сложные течения мысли, путаемся в направлениях современного научного поиска и потому теряем будущее. Повторю еще раз, что тривиальная простота мировосприятия – достоинство понятного языка древних, из-за чего он понятен и ребенку, и всем народам мира. Ибо связывает науку с чистой верой, и наука перестает быть блудницей. Веру все-таки надо осмысливать, но в пределах того, как это делали древние. Либо вообще гнать всякие попытки осмыслить религию.

Установка, или Как позиционируем себя в суждениях

Бог в Себе несет абсолют радости и счастья. По величайшей Любви Своей создает Вселенную и человека. Какого-то иного Замысла Творца на Его творении нет. Богу не нужны ни рабы, прислуга, ни решения каких-то проблем. Ему нужна радость, и этим Он вызывает из небытия мир, хочет благолепия, много цветов, любви и счастья. Человек грехопадением перестал гармонично вписываться в Волю Творца, в коей Любовь и Радость Божественные пребывают во всей полноте. Да, мы хотим по чистоте сердечной устроения Царства Небесного, но постоянно что-то делаем не так, не к месту, не ко времени, не в меру мало или, наоборот, много. Человек везде и во всем стал иметь образ «медвежьей услуги», хотя, повторяю, все намерения его чисты и искренни. С этого момента человечество начало поиски утраченного своего места в бытии, то есть занялось поиском Истины. Так началось шествие становления цивилизации во Вселенной. Чтобы рассуждать в этом контексте о русском пути в истории, разберем сегодняшний момент жизни Руси.

В радости бытия все оптимально и нет ничего лишнего. Если что-то мешает, то это уже не радость, а ее разрушение. Поэтому что такое аскеза? Аскеза – это не ограничение

в свободах, а оптимальная форма жизни, заложенная в самой физиологии. Природа оптимальна именно присутствием счастья, в коем имеет бытие только то, что утверждает счастье. В наше непростое время иной раз слышишь такие утверждения о вере, что страшно становится. О чем речь? Навоз мы ценим не за то, что он дурно пахнет, а за то, что хорошо удобряет почву. Аналогично все остальное, и аскеза в первую очередь. Мы ее любим не за то, что она нас сильно стесняет, сковывает, ущемляет в правах и свободах или так надо. А за то, что мы благодаря ей свободны в Боге. Мы ходим на работу потому, что живем радостью своих детей.

Исходя из этого мы понимаем, что такое аскеза. Что это не ограничение в свободах, а оптимальная форма жизни физиологии. Это такая форма проявления любви. Очень много путаницы в этом вопросе. Соответственно, научный прогресс не призван освобождать от жизненного процесса в образе аскезы, а как раз делать его в ней более комфортным. Иными словами, научный прогресс не должен освобождать от тяжелого физического труда, а быть призван к тому, чтобы физический труд как раз был, но наиболее гармонично вписывался бы в физиологию человека. Мы ведь не стараемся освободить свое сердце от процесса нудной и ежесекундной работы – мы даже боимся этого, ибо остановится жизнь. Точно так же никак нельзя наукой останавливать все то, благодаря чему организм реализует себя по полной и по своему призванию, – активацию плодотворной работы мозга. Так

как аскеза не посягает на счастье, а как раз утверждает его и покровительствует ему, то вся история человечества – это поиск таких форм аскезы, кои позволяют счастьем уверенно идти в будущее. То есть нам надо дать определение идеального образа аскезы. На страницах этой книги сделана попытка дать ответ на этот вопрос.

Изложение материала представлено нестандартно. Книга по уровням сложности восприятия поделена на части. Та информация, коя проста и может стать увлеченным чтением для начинающего в этих сферах, изложена большим шрифтом. То, что уже является усложнением, – выделил как второстепенное и изложил шрифтом мелким и пояснением того, что выделено крупными шрифтами. Пояснения сделаны шрифтами среднего размера. Этим добился, как мне кажется, важного органичного восприятия текстов. Нет в них перескоков и всего остального.

Познай себя – и познаешь мир

Каждый из нас задавал себе вопросы о том, существует ли Бог, а если существует, то где Он и как Он выглядит. Здесь, в этих текстах, мы не беремся давать какие-то точные ответы на сии вопросы, но поможем разобраться, о чем идет речь, и обозначить самые-самые общие контуры свидетельства о Творце, разобравшись в самих себе и в какой-то степени познав самих себя. А главное – нам предстоит дать ответ на самый злободневный вопрос современности: как в Боге одно уживается с другим. Творец абсолютно аскетичен и в то же время абсолютно безграничен в счастье и радости. Образ и подобие сему были важными всегда, но в наше время – с особой значимостью.

Для исследования этого вопроса прибегнем к аналогиям. С помощью оных в более развернутом виде речь пойдет о внутреннем мире души и о процессах, идущих в природе психики.

Во-первых, надо начать обсуждение с самого важного. Славяне называли жизнью не само тело и не этот видимый нами мир, а душу и мир духовный, то есть то, что навсегда, и то, что вечно. Все земное бытие – это шествие по Царствию Небесному и во Царство Небесное посредством своего тела. Тело для них – это видимая часть души. Почему? Хотя бы потому, что с тяжестью жизни в рабстве, в увечьях и в самых

страшных болезнях человек может прожить всю жизнь, а вот с увечной, израненной и болящей душой человек не может жить и часа (что такое болезнь души, видно из смыслового синонима «глаз – голос», о чем см. ниже).

Представьте себе, что девушка хочет иметь ребенка. И вот подходит к ней некий «мудрец» и пытается предостеречь ее от этого, преподнося все в самых черных перспективах. Он говорит, что сие ей принесет много страданий. Причем не только во время самих родов, но и все те тяготы и риски, кои сопутствуют беременности в течение девяти месяцев. И ведь все, сказанное им, – правда. Но, несмотря на это, когда она узнает о том, что у нее развивается плод, она очень счастлива. И далее, обремененная хлопотами, всего этого страшного она даже не заметит и живет только этой радостью о будущем ребенке и его миром. В этом же прообразе иные подвиги.

К примеру много всякого слышать приходится о мучениях монаха, который подвизался в аскезе. Но сам он этого даже не замечает, ибо для него это такой способ жить во Царствии Небесном при его земной жизни. Чем тяжелее он берет на себя крест, тем больше счастья лежит на противоположной чаше весов. Бог абсолютно велик в радости, а так как нам естественно быть подобными только Ему, то и счастья нам всегда мало. Постоянно хочется большего. Это мотивирует к росту в аскезе, и человек поднимается выше, находя дороги в еще более трудных и опасных реалиях, благодаря чему жизнь торжествует уже и там, открывая новые

горизонты для грядущих новых побед. (Кстати, следует заметить, что тут рождается наука аскетического делания, в границах коей оказываются все известные направления научного поиска. Ведь, согласно ей, человек может без вреда для плоти подняться высоко в аскезе, то есть так же как альпинист может покорить даже самые высокие вершины мира, сообразные Голгофе Христовой высоты, чтобы жить и невредимым возвращаться вновь.) В этом же прообразе предстанет перед нами сама Голгофа Христова. Божественное счастье Царства Небесного – это перегрузка воспаленного грехом тела, и, чтобы не повредить человеку всей полнотой Божественной радости, Батюшка Небесный пожелал, чтобы человек приобщался к Ней и обладал Ею, той же Ее полнотой абсолютного счастья, не сразу, как это было в Раю, а теперь удобно-постепенно, малыми Частицами, то есть без покушения на ослабшее естество Адама.

С одной стороны, Он предан теми, кого спасал, истязаем ими же. Они же убивают Его самой страшной казнью. Он в Своей радости любить человечество остался недосягаем. И тут перед нами совсем иная сторона Евангелия. Для распинающих Голгофа – это страшные муки, это отверженность от всего общества и вообще все крайности горя. Для Христа же это торжество в радости, в коей соединились абсолютные контрасты. То есть это такой образ бытия во Царствии Небесном. Он заботится о человечестве и молится о нем даже в таких ужасных реалиях Голгофы. Этим Спаси-

тель как бы вписался в Замысел Его Отца, остался насельником Царства Небесного даже в аду, который Он разрушил. Таким Он предстал перед взором древних славян – они видят то, что Он остается счастлив в тяжелейшем подвиге Своем, а не то, как Ему больно и что про Него думают остальные. Это очень важно понимать, когда мы будем рассуждать о вере. Отцы Церкви говорят, что Спаситель должен был принять всю полноту скорби без всяких послаблений. Это так, ибо и Сам Спаситель вопиет Отцу Небесному: «Отче, почто оставил Меня?» – и должен показать путь спасения даже самому страшному грешнику, то есть он должен был быть близок ему во всем без исключения, чтобы показать ему выход. А с другой стороны, процесс возрастания – это суть живого, и слова сии из уст Спасителя – норма для живого. Об этом ниже, где будем говорить об идолах.

То есть хотя нам и говорят, что Он как человек скорбел и мучился, но Сам Он как Бог остается во Царствии Небесном, то есть этого ада не видит. Это очень важно понимать для практики человека в его бытии, кое имеет множество прообразов одного – Голгофы Христовой. Божественная радость отличается от любой иной тем, что ее невозможно чем-то заглушить, затмить или уничтожить. Нам это свойство настоящей Божественной радости понадобится при обсуждении практики выхода из себя во время тягот тяжелого крестьянского труда, чем активно пользовались древние, а потом и православные. Если человек с Богом, то он счастлив в еди-

нении с Ним, то есть если он счастлив естественной для себя изначальной первоизданной радостью, от коей все остальные формы счастья – лишь отдаленные оттенки. Эту радость бытия ничто не может затмить, даже Голгофа. Мне попалась однажды книжка, в коей описан акт поиска преступника среди подозреваемых у древних славян. Всем, кто попал под подозрение, дают в руки раскаленный на огне камень. Замечаете, как мыслил древний? Тот, кто счастлив в Боге, тот этого камня не видит (кстати, слова «видеть» и «ведать», «вести» и «весть» – смысловые синонимы, вкуче имеющие способность освящать глубинные мудрости). А тот, кто утратил с Ним связь, – тот мучается, а потому, окажись он в иной ситуации, поведет себя как исповедник инородности живому – он и есть преступник. Они искали несчастного, который мог попытаться достичь своего счастья инородно для себя и всего коллектива. Это очень важно заметить, ибо сия глубина мысли могла быть следствием только озвученного ранее по тексту мировосприятия. Поиски истины данным способом наталкивают на мысль о том, какова по природе была вера славян.

Иными словами, с физическим увечьем и болезнью можно прожить всю жизнь, но с болезнью души человек не может ни терпеть боль, ни жить даже и часа. Просто радость духа – само естество живого, сама его природа. То есть подобно тому, как если мы фонарь занесем в дом и поставим его в самое темное место, тьма, несмотря на ее очевидное

величие, ничего не сможет сделать, и сам светильник от этого не изменит самому себе, то есть светить не перестанет, так и останется тем, чем он и был. Примерно так ведет себя и радость Божественного присутствия, что есть само естество жизни. Она может присутствовать в душе марафонца, каторжника или сильно больного человека. Если мы эту Сущность счастья занесем в ад, то от этого ничего с Ней не произойдет, она не померкнет, и Сущность останется самой же собой. Дело тут в ином: остается только как можно сильнее очистить свое естество радости от инородных вкраплений, что и происходит постоянно в самом человеке, в природе его физиологии, в его душе во время Таинства исповеди, в процессе тягостных работ и в истории становления цивилизации вообще. Абсолютно очищенная радость – это и есть само естество человека и переживание экстаза в самом чистом виде.

Поэтому нет ничего важнее очищения, и так как Божественную радость ничем заглушить или разрушить невозможно, то Бог постоянно искушает нас, посылает очищающие испытания, разрушает в нас все то, что разрушается, чтобы мы радовались только Тому, что разрушению не поддалось, – одному Им непоручимому вечному. Все в природе Вселенной живет только этим процессом движения к Богу – очищением. Отсюда все иные стремления людей Севера. Если есть счастье в Нем, то не имеет смысла все остальное, кроме одного – создать условия для того, чтобы эта жар-пти-

да вечной радости не выскользнула из рук, и в то же время не обжечься бы о нее (в этом природа эволюции научно-технического прогресса). Именно поэтому древний северянин создавал комфорт не телу своему, а в первую очередь душе, процессу ее богообщения (к примеру, древний строил величественные сооружения для поклонения усопшим – процесс строительства, то есть сам тяжелый физический труд в процессе строительства, создавал этот комфорт). Он создавал комфортное бытие абсолютному подобию Ему, то есть удобства для пребывания в естественной себе радости. Им создавались условия важной составляющей для полноты богообщения – комфорт для тела молящейся души. Как бы продолжал дело эволюции становления организма, в коем все стремится к улучшению работы головного мозга. В этом же прообразе, если в душе все хорошо, что-то остается комфорту телесному, но, опять же, в пределах духовного счастья. В этом и в этих границах политэкономия и эволюция общественных отношений, что и выразилось в государственности как иной форме монастырского уклада жизни.

С чем мы имеем дело ныне? Нам рассказывают о Голгофе Христовой, перечисляя все те ужасы, кои пришлось испытать Сыну Божьему в эти страшные дни. Боль утрат, лишения, предательство, избиения, пытки и все остальное. А славянину открылось совсем иное – то, что Христос об этом даже не думал, а переживал и молился за тех, кто Его распинал. Древний славянин увидел не кошмар несправедливости,

а то, что злоба и обида не закрались в сердце, – это потенция жизни, важная составляющая практики выхода из себя во время тягот несения бремени повседневности, к определениям коей мы постепенно подойдем в этой книге.

Как Царство Небесное выражено в мировосприятии древних славян? Древние люди, чтобы познать мир, познавали самих себя и, познав себя, познавали мир. Тут очень важно изначально правильно расставить все акценты. Человечество во все времена во всем искало только то, чем оно было. Когда-то, до грехопадения, мы все были в Раю, а потому искать мы можем только себя и свою историческую родину в своем же образе – то есть ищем также Царство Небесное. Это – важное, фундаментальное утверждение. Человек родился, вышел из того мира, должен жить в нем и старается вновь туда прийти – туда, где ему быть естественно изначально. Человек вышел из того мира и увлек за собой эту видимую окружающую реальность, этим родил ее, и потому она имеет образ его. Поэтому самое большое открытие, кое сделают ученые в квантовой физике, будет звучать именно о человеке. Они найдут характерные личностные черты в микромире и осознают важное: что таким когда-то был человек и что мир вышел именно из самого человека, да так им и остался. Таким он является и сейчас, но только теперь он носит привычные для нас, современных, одежды. Просто, чтобы овладеть явлением, надо постичь его первоначало, как бы вернуться во Царство Небесное. Это так же, как, чтобы при-

ручить зверя, надо брать его еще маленьким детенышем, а не когда он – уже взрослая особь. Или растение надо сеять семенем, а не пересаживать его уже проросшим. Или, зная законы развития данного явления, можно направить его в нужное русло. К примеру, остановить снежную лавину можно только у истоков ее. Узнать самого себя в этом явлении – это означает его постичь и овладеть им, то есть приобщить к Царствию Небесному через себя, чтобы править миром в образе Творца. То же самое делал древний. Именно по этой причине древний отождествлял Вселенную с самим собой, со своим телом, ибо все в ней начиналось с него, и она есть он сам. То есть древний житель видел мир в прообразе собственного организма, который содержит в себе и самый первый миг существования ее, и его последствия – современное многообразие. Отсюда антропоморфность восприятия Вселенной – все для него имеет олицетворение. Это еще пока не идол, ведь все в нашем естестве – это поиск начала начал. Даже сам организм – это как раз то же самое: мы процессами пищеварения вычленим то, что не могло быть разрушенным, находим то, что совечно Богу, то есть берем из продукта то сопринородное жизни, с чего шло развитие живого – его начало начал. Мы извлекаем «это» и делаем «это» сопряженным с молитвенным деланием. Такова же природа научно-технического прогресса – это естественное стремление при этой жизни земной, уже сейчас, быть во Царствии Небесном, в еще большей полноте межличностных отноше-

ний.

Пришествие Сына Божьего в мир расставило акценты несколько иначе. Если за основу жизни бралась просто чистота духа, в пределах коей могли вершиться даже преступления (зверь по чистоте своей может убить жертву без последующих этому деянию мучений души). А сущность Благодати Духа Святого – это такая Реалия, коя присуща Богу. А Он един. Поэтому, приобщившись к Нему, тоже вбираешь в себя Его подобие, то есть обладающий Духом Святым – это уже несколько иной человек. Если мы взяли в руки горячий камень и обожглись, то есть испытали боль, и теперь будем осторожными. Если в нас Дух Святой, то испытываем боль уже от иного – не от горячего камня, а если сделали против брата своего и перестали быть едиными с ним в Образе Единого Бога. Еще раз повторю: это такая природа Единого Бога, и, обладая Ею, становишься единым телом со всем миром и со всеми людьми. Это основа единства, коя многогранна по природе, что эволюционно выразилось в природе человека: голова выше всего и ближе всего к небу, ибо функции – это начало и первооснова полноты, кою замыкает сфера половых отношений как самое последнее, незначимое, звено единения.

Древний, стоя на берегу реки, наблюдал за перемещением воды. Воды ее текут вдоль береговой линии. И тут к нему пришла простая мысль: что движется ведь не только этот бурливый поток, но и все вокруг, и даже в нашем собствен-

ном теле течений множество. В нас также течет река. Всякий из нас помнит все перемены в организме, от раннего возраста до ныне. Помнит все биологические изменения в процессе взросления организма. В каждом из нас и вокруг нас постоянно что-то рождалось и отмирало, начиналось и заканчивалось. Смена дня и ночи, смена времен года и так далее. И вот он задает себе вопрос: почему мы видим перемещения водных масс? Потому что берег неподвижный. Заяц, если недвижим в траве, то и незаметен глазу. То есть первое условие, кое позволяет человеку видеть изменения в реке, – это постоянство берега. Должна быть неподвижная точка отсчета, относительно коей мы замечаем перемены. В этом же прообразе соотношения в системе «реки с берегом» устроена сама природа человека. То есть человек несет в себе двойность природы, одна из составляющих коей – будем говорить образно – есть некоторый берег, относительно коего или стоя на коем мы можем замечать перемены всюду, в том числе и в себе, от раннего детства до этих мгновений. Исходя из сказанного нам понятно многое. К примеру, постоянство (берег) – это та часть нашего естества, которая остается жить после смерти как нового этапа перерождения. Ее присутствием в себе мы видим различные прообразы берега в самых различных оттенках, то есть слышим, чувствуем, распознаем вкус, запахи, измеряем температуру, твердость, то есть узнаем самих себя во всем.

Тогда ответим на другой вопрос. Что такое счастье? Сча-

стье, как мы знаем, – это когда нет утрат. Счастье – это когда мы пришли домой и видим, что с потолка не осыпалась штукатурка, не сломалась стиральная машина, не потекли краны и исправен унитаз. А главное, счастье – это когда живы все те, кого мы любим, когда навсегда с нами наши дедушки и бабушки, которые нас любили и нянчили в детстве. Счастье – это когда здоровы и мы сами, и те, с кем мы живем. Когда хорошо себя чувствуют и счастливы все наши родственники. Иными словами, все перечисленное нами – это различные прообразы постоянства того самого берега. Сие есть свойство одной из составляющих нашу двоичную природу, и мы счастливы только в стабильности и постоянстве. За поддержание и утверждение именно этой природы счастья боремся. Если кто-то болеет из наших родных, то покупаем лекарство и бережем их здоровье как свое. Кормим своих домашних питомцев. Если мы пришли домой и заметили, что обвалилась штукатурка на стене, то накладываем новый слой цементной смеси и восстанавливаем прежний вид, наводим порядок и чистоту. К примеру, моем загрязнившийся пол; штопаем и стираем белье; вытираем пыль, осевшую на книжных полках и на мебели. И так далее. Вся наша жизнь – это постоянное стремление сберечь, сохранить, восстановить, если что-то утратили. Таким образом, повторяюсь, мы ясно себе представляем то, что берег – это то самое постоянство, в коем абсолютно нет никакого изменения и, значит, никаких утрат, и только там наше счастье в самом чи-

стом виде, без множественных прообразов его, и, повторяюсь, что это та самая часть природы человека, коя остается жить после смерти, это наше само естество, это наше счастье и смысл жизни, за который мы всегда боремся. Осознание сего дарует нам еще один оттенок Рая – радость. Об этом следует вспомнить, когда речь пойдет (ниже по тексту) о том, что природа человека имеет прообраз Голгофы Христовой.

Все это осознал тот древний, оказавшийся на берегу ручья или речки. Отсюда происхождение слов: «береги себя», «беременность» и «оберег». Если мы говорим «береги себя», то предполагаем «останься на берегу». Смысл слова «беременность» имеет то же значение – нести в себе жизнь, то есть хранить ее от перемен. У жены влечение к мужу, и она идет за ним следом. Он же идет туда, где твердыня вечности Творца, – по берегу. Он трудами в поте лица расщепляет все то, что расщепляется из-за природной временности своей, и оставляет ей то, что разрушиться не может, – как природа берега в чистом виде. Все эти слова, производные от слова «берег», хоть и несут в себе различные понятия, но являются смысловыми синонимами, ибо привязаны к одному и тому же понятию. Ведь для славян эта составляющая нашей двоичности, коя обозначена этим словом, и есть жизнь в ее в самом чистом виде, без всяких примесей, свойственных этой бесконечной бесконечности всякого разнообразия перемен.

Таково же происхождение слова «образ», кое несет в себе чувственно распознаваемый и осязаемый вид

берега во всем том, что мы чувствуем и видим. Очень меткое выражение свойства постоянства, кое как-то связано с другим понятием – о «березе». Это дерево, кое, судя по его названию, когда-то было священным и почему-то несло в себе священное значение. Дерево несло для древних славян какие-то особые свойства, что и наделяло его особым статусом из остальных растений. Сие стало еще одной трудно объяснимой странностью только в Русской православной церкви – на святой праздник Троицы в храм заносят березы и березовые ветки. Но обо всем этом нам расскажут будущие археологические открытия.

Теперь о том же самом скажем иначе – на другом понятийном языке, подчеркнем новый контент оттенков. Но уже сейчас следует сказать о том, что, не ведая о древней славянской религии, заимствуя для анализа некоторые слова славянской мовы, мы почерпнули многое. Но еще не все. Некоторые моменты будем разбирать в ходе изложения главной мысли, ибо так, нахрапом, сию вершину не возьмешь. Ну а если читателю не терпится, то можно сразу перейти к главе «Древнеславянская вера». Продолжим изложение мысли инструментами древних мудрецов.

Там, на берегу, как уже сказано, все остается неизменным, там нет смерти, а потому нет чего-то такого, что могло бы нас огорчить утратой из-за своей временности. Мы только там счастливы, ибо все красивое с нами совечно, и только поэтому-то оно красиво. То есть всякий хороший быт, как и креп-

кое здоровье, всегда имеет отдаленный прообраз Царствия Небесного. Получается, что мы утрачиваем счастье только потому, что теряем твердыню под ногами, из-за чего потоки вод сносят нас в небытие всеобщей временности, превращая нашу жизнь в сплошные утраты.

Вспомним хорошие слова Льва Толстого о любви, что это «как палец, на который он обращает внимание, если оный болит», то есть изменяется, если оный становится временным, то на него мы обращаем внимание. Это важное высказывание, ибо данный прообраз определения о высшем чувстве – о любви – на примере здорового пальца заложен в том, что мы не чувствуем здорового пальца, не чувствуем и другого – самой пустоты в межзвездном вакууме. Но это не значит, что если мы не чувствуем пальца, то его нет. Если мы не чувствуем пустоты вакуума, то сие не значит, что он пустой и в нем нет праздника радости жизни, или если мы не чувствуем вкуса яблока, то нет его в бытии перед нами. Итак, пустота или отсутствие восприятия становится залогом абсолютного здоровья, к прообразу чего стремятся практикующие нирвану и те, кто любит совершать медитацию. Этот момент ключевой также и в древней славянской традиции, только имеет иную форму выражения.

Теперь проясним ситуацию иначе. Почему вне Божественного присутствия ничего не существует? Потому что Бог – вседержитель в прямом смысле слова. То есть держит в руках Своих. Представьте себе, что вы ровную палку пытаетесь

вывести в положение вертикального равновесия. Она падает, а вы ее опять выводите в прежнее состояние. А ведь живем мы. Мы всегда всё восстанавливаем. Делаем ремонты, наводим порядок, приводим в надлежащий вид. Наше здоровье подвержено постоянной бомбардировке множеством вирусов и иными внешними факторами, но оно у нас восстанавливает свое равновесие. Так всё вокруг. Эти растения, эти насекомые, и весь животный мир, и даже мир внутренний в самой материи. Все стремится удержать свое равновесие и не упасть. А ведь это тяжело. Тяжелее цветку стоять на тоненьком стебле, противостоять ветрам, дождю и граду. Но так держит его Бог. Все в руках Божьих – очень великий смысл. Получается, что все вокруг – в прообразе Голгофы Христовой. То есть понятие «берег» или «оберег» – это и радость, и прообраз Голгофы Христовой одновременно. Ведь надо хранить и восстанавливать равновесие, что и тяжесть, и в то же время радость. Сообразно тому, как практикующий йогу неестественной позой, с одной стороны, причиняет себе боль, а с другой – посредством боли находит то в себе, что от этой боли его избавляет. Это называется освобождением. Но мы имеем дело не с йогой, просто этот пример удобен для наглядности восприятия. Наоборот, йога имеет прообраз Голгофы Христовой. Это важно подчеркнуть, ибо из этого суждения выходят очень важные выводы – путь освобождения Руси.

Природу познания полезно выразить иначе на другом

примере. Возьмем яблоко. Перед нами продукт питания. В данный момент мы не знаем, каков его вкус. И, пока не откусили от него, для нас этот фрукт остается как бы «вкусовой пустотой». А как только зубами разрушили клетчатку продукта, появился сок, и мы начали видеть органами распознавания вкуса – мы через вкусный сок видим яблоко. Иными словами, природа познания функционально легитимна только в одном случае: если есть факт расщепления клетчатки надкушенного продукта. Нет распада яблочной клетчатки – не будет познания вкуса, ибо сок не выделяется. Сока нет – нечему активировать нервные окончания, и потому как бы яблока не существует, ибо оно остается невидимым для органов распознавания вкуса, то есть органами вкуса человека такое выражение пустоты нераспознаваемо. Но это не означает, что яблока нет. То же самое касается космического пустого пространства. Оно наполнено радостью бытия, и цветами, и любовью Царства Небесного. Но оно не терпит процесса распада, а потому и незримо. Все зримое терпит расщепление, о чем свидетельствует наука.

Далее все познается в контрастах. Известное высказывание о том, что история не пишется без жертв, – как раз из этой области. Чувственная пустота – это как раз то самое из области определения любви Львом Толстым (любовь – это палец, который мы чувствуем, только когда он болит). Или яблоко живое до того самого момента, пока мы в нем не повредили клетчатку. Либо еще проще: только на белом мы ви-

дим черное. И наоборот: на черном различаем белое. Мир мы созерцаем, создавая контраст норме – пустоте. Ведь так, ведь пустоту мы не видим. Точно так же в самых далеких и бесконечных глубинах космоса мы видим возникший контраст между этой же пустотой и развитием взрыва. Если мы чего-то не распознаем, то предстает сие перед нами как та самая пустота, присущая невозможности чувственного освидетельствования, коя свойственна здоровому молодому организму, у коего ничего не болит, так как не терпит распада. То есть не болит, так как ничем не болеет. То есть если мы рук или ног не чувствуем, то сие никак не значит, что их у нас нет. Они есть, просто не болят. Если сказать, что вся пустота – это мы и есть (она не распознается), то все эти мириады звезд и окружающая их пустота – все это часть нашего тела, в пределах коего мы можем познавать и распознавать только самих же себя. Именно по этой причине мы видим самих же себя, а точнее, то, что перед нами предстает пустотой вакуума и звездами.

В Духе Святом нам больно обидеть ближнего, ибо сие становится покусением на природу Единого в нас. Мы этим как бы пытаемся отрезать что-то от своего тела. Ведь Бог един и в нем нет противоречий, но все взаимно дополняется другим. Его единству несвойственны инородности, ибо их нет вообще. И потому все люди, приобщившись к Духу Святому, становятся Единым Целым со всем тем контентом свойств, присущим Ему, коему чужды противоречия, и че-

ловек неспособен покуситься на ближнего, ибо в его уме даже не могут возникнуть такие мысли: идти против самого же себя. Он и не ведаёт о том, что такое возможно вообще. Это есть самая значимая основа единства, что и выразилось в том, что голова есть наш организм, и она — самая значимая в природе человека, и она ближе всего к небу. Тогда все остальное в природе людей тоже сопряжено с тем, что несет в себе голова, но уже как частный случай, свойственный данной реалии, в коей развивается жизнь.

Несколько сместив акценты, скажем, что боль — это свидетельство того, что было такое состояние, в коем ее нет, — было хорошее здоровье. Больше ни о чем хвороба заявлять или исповедовать не может — только о том, что есть норма, от коей произошло отпадение. И мы, получив болевой шок, ищем истину — в поиске средств выздоровления через причину... — узнаем, не этим ли занят ученый, созерцающий внутренний мир атома или галактику через телескоп. То есть через альтернативу пустоте, носителем коей мы являемся, мы видим, чувствуем, слышим или распознаем только саму же пустоту в причинах явлений, чтобы вновь оказаться с ней в сопряжении. То есть то, что когда-то было отсутствием боли, а именно здоровым в нашем же теле или в пределах нашего организма, то должно вновь стать нами. Человечество своим научным поиском пытается делать то же самое. А точнее, мы видим норму посредством «ненормы», знаем о здоровье посредством болезни, ибо видеть можем только то, что потеря-

ли. Видим счастье через несчастье.

Иными словами, перед нами возникает новое определение человека. Человек – это отсутствие болезни, чем предстает перед нами аскетизм в самых высших формах ограничений распущенности. Следовательно, совершенство – это такое абсолютно хорошее здоровье, которого мы просто не чувствуем, ибо оно нас не беспокоит. А так как именно это и есть недостижимый и непознаваемый Бог, то все вокруг сопряжено только в одном – в стремлении стать совершенством только в этом образе – в пустоте нечувствия.

В разных понятийных языковых системах эта позиция звучит и представлена различно. Для материи это вакуум, для нас – это пустота, для горя – это радость, для боли или болезни – это здоровье, для математики – это ноль, для греха – это святость, для разрушения – это первозданность, для чувств – это бесчувственность, для распада – равновесие устойчивости, для хаоса – это симметрия структур (точка, прямая, окружность, сфера и т. д.) и так далее, до самой квантовой механики. Безгрешность, воспринимаемая нами как пустота, в самых ее разнообразных уникально-специфических видах во все времена и всеми народами распознается однозначно и желанно. Каждое из перечисленных свойств – имя Бога на специфическом языке той сферы бытия в богообщении, в коей это слово приемлемо как характеристика Его. Каждое имеет смысл проработать отдельно.

Итак, перед нами еще один оттенок человека – так как через человека в мир вошел грех, а жизнь вне Царствия Небесного невозможна, то все если живет, то живет в образе Царствия Небесного и как живое возвращается вновь в перво-данное естество Царства Небесного в человеке, и все через него стремится к совершенству. Как-то иначе быть не могло, ибо противоречит самому естеству бытия Бога в мире. Это важное определение, ибо на его основе мы дадим ответы на все остальные вопросы. Но потому имеет смысл сказать об этом же иначе.

Мы не умом, а самой своей природой помним о том, как все это было с нашим телом, и ищем только пути возвращения к прежнему состоянию. То есть мы не ищем того, о чем не ведаем, не ищем и не распознаем того, чем мы никогда не были, что нам инородно по естеству. Мы не идем туда, где ни разу не шли. А если ходим там, куда ни разу не ходили, – боимся и стараемся быть осторожными. (Мы как бы в пределах нашей природы, сопряженной с мирозданием, выходим из собственного жилища, и теперь пришло время вернуться в него, и идем обратно к Отцу Небесному теми же, уже знакомыми нам дорогами, но сам путь выхода из Жилища и входа в Него заложен в нашей природе, а потому он же остается путем возвращения.) Эту же цель несет в себе и научный прогресс – для иного он бы не возник. Ведь ученый ищет то, кем он был, то есть именно пути возвращения, и если вдруг находит дорогу сближения к перво-данности, то

кричит всем: «Эврика», то есть «Идите за мной». И так же в самом Замысле Творца о человеке ничего не изменилось и измениться не могло. Мы, как и прежде, пребываем в живом Телесном Царствии Небесном, а это значит, что видим не просто пустоту, а именно Бога через то, что свидетельствует о Нем, – через то, что Им не является, через альтернативы Ему, через образы поведения, которые рисует нам всеобщая относительность временного мира. То есть мы по-прежнему во Царствии Небесном и даем возможность Ему через себя раскрыться более полно в окружающей человека реальности, и этим мы, увлекая за собой Вселенную, движемся к Нему, и этим Он Сам идет к нам. Такова природа научно-технического прогресса, через который природа Вселенной, выстраиваясь в удобно-приемлемый для человека порядок, может соучаствовать в процессе его богообщения, в межличностных отношениях Бога и человека.

Вселенная приобщена к бездне небытия, и это есть отсутствие счастья. Человек призван быть проводником Божественной Сущности туда, где Его нет, чтобы там было счастья и радости побольше. Таков образ Божий на человеке, ведь Бог сотворил мир просто так, от переизбытка любви, чтобы было побольше радости и любви. То есть без всякого достижения каких-то целей, ибо Он Бог и все цели бытия уже при Нем и достигнуты. Человек, подобно Ему, творит мир просто так, лишь бы было все в радости и чтобы человек мог радоваться радостью мироздания. Если где-то нет Света

Божьего, то там нет радости. То есть человек не может иметь полноту счастья, если где-то есть несчастье или нет тепла и любви. Он мотивирован быть счастливым через восстановление полноты своего бытия присутствием Его энергий. Эту формулу мы увидим во всем при обсуждении важных вопросов. Эта формула выражена множественно во всем, и во всем она прослеживается.

Все то же самое можно сказать так. Через человека и его научный прогресс Божественное присутствие на Земле имеет возможность быть сильнее раскрепощенным. И в то же время раскрепощаются силы бездны удобно-приемлемо для бытия человека с Богом, то есть в Его присутствии они перестают быть злом. В Замысле Божьем ничто не изменилось, то есть как Он сказал Свое Слово, так остается вовеки. Меняется только план Его реализации. Это все важно сказать для понимания происходящего вокруг.

В противном случае все остальное абсолютно теряет смысл. Благодаря пониманию этого принципа жизни, в котором ничего не надо, кроме единства с Творцом, человечество перешло к оседлому образу жизни и развило культ почитания предков до самой высшей степени. Это потом и переродилось в мировые религии.

Иное определение о человеке в Боге. Закон жизни прост по сути и звучит еще и так: там, где голова, – там будет и хвост. То есть где наш ум – там будет и тело. Отсюда и цель эволюции, благодаря достижению коей человек становится

обладателем всего необходимого в данной реалии выживания. А это говорит о том, что нужна высокая производительность мозга. В жесточайшем естественном отборе силой в конечном счете оказалась ясность ума и способность адекватно мыслить в самых сложных ситуациях выживания. Потому и каждая фибра нашего организма сопряжена только с одной общей целью – поддерживать ясность ума, чтобы идти за ним туда, где пребывает он – ум. Тело – это видимая часть души, а потому ум должен быть там, где телу спасительно, – в абсолютном здоровье, если говорить понятийным языком телесности. Для тела нашего Бог – это абсолют здоровья, ибо только на таком понятийном языке оно, тело, понимает и может Его принять.

С другой-то стороны, человек сопряжен с творчеством Бога, и ему, чтобы активно соучаствовать в Его промысле, надо многое, точнее, все. Понимать мысль Творца – в том числе. Почему? Потому что человек – не частица мира, не структурная деталь в механизме, он должен, так же как Бог, видеть весь процесс мироздания и творить, как Бог, точнее, соучаствовать в Его творчестве. Только тогда он чувствует себя на равных с Ним, полноценным человеком, ответственным хозяином мира. Дискомфорт наступает вне равенства с Богом. То есть ему, человеку, важно видеть общую цель всех Членов в Семье, вне коей он немислим и быть неспособен, ибо создан как член Семьи – теперь такова его природа. Ему надо тоже слышать от Бога: «Я тебя люблю» – и делать общее

дело Святого Семейства Бога-Троицы. Даже быть частью семейного тела. Такое определение человека помогает понять механизм отношений мира с Богом и человека в Нем: мы видим и чувствуем только личность – то в ней, что является соприродным нашему организму и остается его составляющей частью (даже если объект находится на расстоянии миллиардов световых лет от нас). То, что нам не принадлежит, то, что не есть мы, – все то зреть не можем по природе вещей и не можем выстраивать в удобный для нашего богообщения порядок. А ведь это тоже есть важное условие счастья, вне коего человек жить не может. Такова природа Предвечного Совета Бога-Троицы. Команда корабля – хорошая аналогия, ибо в ней наглядно видно, что каждый член ее – член семьи, то есть каждый в равной степени причастен к живучести судна, а потому несет ответственность за жизнь всего корабельного сообщества, и все в этом плане между собой равны, и каждый несет послушание у ближнего и ответственность за него. Субординация в отношениях – это уже другая реальность из области взаимодействия, еще один оттенок любви среди членов ее семейства. Но каждый член команды корабля сие понимает и осознает. В этом же прообразе каждому жителю планеты надо донести его причастность к общему делу семьи, важно показать, насколько он нужен и значим для всего мира, ибо, осознавая сие, он получает радость от исполнения своего долга. Он понимает то, что он нужен, что он на равных со всеми, то есть всем нам нужно то, что он тво-

рит, – каждый землянин становится глазами, ушами и руками этого сообщества и активно берет инициативу на себя, если так будет нужно. Его берегут не из жалости к нему, а как соратника, как воина в борении с силами бездны. Именно по этой причине человек стремится в окружающей его Вселенной стать тем, кто он есть для Царства Небесного и во Царствии Небесном, где он собеседник Бога и соратник Его, только теперь в еще одном выражении: через единство с Ним восстановить свое место, этим подчинить себе космос, преобразить его до подобия Ему и через себя вернуть и представить его Богу. Такова часть Замысла Божьего. Человек, осознав, что он часть Семейства Бога-Троицы, призван включиться в Общее Дело Творца.

Возникает вопрос: откуда это все в нас? Радость – это и есть человек, который когда-то жил в раю, и потому ему естественно быть только в раю и в радости. Ведь, согласно сотворению, рай – это он сам, и ему естественно в своем же подобии и в общении только со своим же подобием. Человек не изменился при грехопадении, а только получил воспаление, то есть это тот же самый насельник Царства Небесного, пребывать в коем в данном виде не может, ибо ему нужно выздоровление. Человечество пошло в больничный отпуск. Этому понятию надо дать еще одно имя – главная память на все времена и во веки веков. Мы есть память только этого, а все остальное – рубцы и шрамы на нашем здоровом теле радости, возникшие в процессе утверждения Царства Небес-

ного в земных реалиях. Они есть отклонения от того идеала, который заложен в самой памяти. То есть какая-то иная память всегда вторична и менее актуальна. Для человека естественно быть только там – в абсолютно безмятежном счастье рая. и сам он как единство с Творцом – сама основа этого рая. (Сие утверждение нам важно запомнить для обсуждения характерных черт древней славянской традиции. Ведь для древних славян на самом-то деле жизнью являлся непрерывный трудовой процесс, быть в коем может только здоровый человек.) Так как вне рая Царствия Небесного жизнь быть не может ни в каком виде, то уже сам этот факт бытия нашей жизни на Земле говорит о том, что мы имеем дело с присутствием рая в земных реалиях. Как это понимать? Для этого надо дать определение природе экстаза.

Итак, еще одно важное слагаемое человеческой природы. Экстаз – это процесс передачи энергии от Бога человеку и через человека – Вселенной. То есть экстаз – это процесс жертвы радостью бытия туда, где ее еще нет или мало в том прообразе, в каком Бог творил мир, – просто так, для того чтобы счастья было побольше. Нет никакого бизнеса, умысла иного – пусть будет радость там, где ее нет. Именно этим живет человек, ибо он тоже не может быть счастлив, если есть где-то несчастье. Это контраст, в пределах коего одно проводит жизнь другому, утверждая торжество живого над мертвым в этом самом первостепенном прообразе. Если говорить более общими понятиями, то Царствие Небесное

стремится попасть везде, где Его нет, отчего уходят все образы отсутствия Царствия Небесного и рай наступает всюду. Прообраз экстаза имеет вся Вселенная. К примеру, Солнце излучает свою энергию туда, где нет ничего вообще. Само тело человеческое несет в себе этот же образ, в коем голова несколько отделена, для того чтобы, пребывая в безопасности, оставаться с телом. То есть отделена от тела во имя единения с туловищем через узкий проем – шею. Источник питает живительной энергией организм, ведь через голову поступает животная и растительная пища в организм. То есть в пределах самого организма голова выступает источником энергии. Через нее поступают также воздух и все остальное. И в то же время голова обособлена, несколько дистанцируется от всего того, что происходит в самом теле, от процессов жизнедеятельности, не потому, что не любит, а как раз во имя любви к телу – не прообраз ли это экстаза? В свою очередь, тело питает головной мозг только самой качественной кровью. Перед нами образ экстаза жизни, в коем голова поставляет все необходимое телу, отчего тело перестает быть злом – оное подчинено голове и выходит к Богу через голову, отдавая ей все самое-самое. Голодное тело не отвечает на требование головного мозга, ибо не имеет сил или даже вообще разлагается.

Таким образом, человек с Богом – это образ экстаза. И если есть источник добра, то зло в его присутствии сразу как зло прекращает свое бытие и становится зачалом добра, бла-

годаря чему человек переживает высшее чувство радости – это и есть экстаз, точнее, еще один его оттенок общего – человека с Богом. Проникновение радости туда, где ее нет, есть переживание радости. Таким образом, контраст обуславливает бытие экстаза. Но не сам по себе, а как активность, как движение к Богу – к подобию Его. Надо сказать, что видимое бытие как экстаз в чистом виде несет в себе множество своих образов, точнее, абсолютно все вокруг имеет его копию в разных фракциях обозрения. Остается научиться этим пользоваться. А ведь все науки мира, кои возникли в бытии и еще возникнут, – наука о том, как этим пользоваться. Таким образом, марафонский бег или иная самая огромная тяжесть жизни если становится формой жизни во Царствии Небесном, то человек становится даже пленником своего счастья.

Вот почему Новалис говорил, что революционную ситуацию с религиозным народом не создать, ибо религия – это опиум для людей. Надо разрушить веру и святыни, тогда возникнет революционный народ.

На 13-14-й страницах показан пример с беременной женщиной, в коем наглядно предстает перед нами нужный ответ. Настоящий рай в душе обусловлен только одним – присутствием Божьим. Счастье, по сути, бесцельно – либо оно есть, либо его нет и ему не надо чего-то достигать для жизни. И рай имеет одно замечательное свойство: благодаря этой радости человек не ведает о том, что он в аду, ибо в возникшем антропоцентризме просто ничего этого не замечает. В радо-

сти Божьей человек пребывает в Нем, жаждет возрастать и растет до всей полноты подобия Ему, усиливая полноту переживания своей радости тем, что несет эту радость туда, где ее еще нет. Божественная радость, как Солнце, недостижима, и ничто ее не может заставить померкнуть. Более того, в муках или в темноте – более сильный контраст и соответствующее переживание экстаза. И чем сильнее контраст, тем дальше отстоят друг от друга крайности, тем большую полноту оный включает в себя, тем сильнее переживаемое чувство восторга в торжестве над смертью. Ибо весь мир в нем соучаствует – такова еще одна грань Царства Небесного, ведь Бог вообще вобрал в Себя все то бесконечное, что оказалось в пределах крайностей – между Небом и даже бездной, а потому и сила радости Его в данных бесконечно удаленных пределах противоположных крайностей не имеет границ. Христос спускается в ад, и оный становится добром – выпускает из своего чрева живое и сам становится живым. Потому Он и есть абсолют радости, что вобрал в Себя, смог быть альтернативой небытию и сотворил мир из ничего, то есть потянул за Собой абсолютное небытие в абсолютное бытие Свое. Сама по себе радость смысла не имеет, ибо это просто такое бытие, а вот без нее бытие теряет смысл и отмирает (в природе людей сие становится войнами, алкоголизмом и всем тем, что мы называем грехом, – все это разные имена отсутствия Божественной радости). Он делится Собой с тем, что не имело Его Самого и Его Божественных Энергий. А это

и есть формула бытия в самом чистом виде, но в бесконечных прообразах. Ее искали все физики и математики мира. И это же есть природа экстаза, когда мир духовный входит в темень небытия и там из ничего появляется мир – рождается личность. Батюшка Небесный сильно жаждет радости и любви. Он всецело отдается Своему Делу, коим счастлив Сам и животворит этот мир. А ведь в этом же прообразе сотворения мира Богом сам человек не может быть счастлив, если несчастны те, кто вокруг него. Ведь само Царство Небесное не может быть таковым, Абсолютом счастья, если насельники несопричастны к творчеству Батюшки – они тоже, как Он Сам, в постоянном борении за души тех еще живущих на Земле, кои оказались в лапах дьявола. Человек если силен, то силен единением с Богом посредством сопряжения с Ним в Его творчестве. Но страшно другое: что такой человек даже не ведаёт о том, что он мучается, отчего может даже порвать себя «передозой». В этот момент спасительна любовь, ибо человек несет послушание у слабости, благодаря чему слабость бережет силу от переизбытка, а это есть еще одна грань природы экстаза по естеству прообраза. Как только к злу прикасается Бог, как только в темное царство слабости входит свет, так сразу же оно перестает быть темнотой, злом, но носителем света, силы и любви – начинается движение или набирает обороты движение к Нему в Его подобие. Сосуд, который наполнен добром, не будет злом, ибо зло – это не сущность, а отсутствие добра. А потому если нет

молитвы, наполняющей сущностью счастья Божьего, то и все блага мира не несут ему счастья. Ибо, повторяюсь, мучение на самом деле – это не физическая боль и не стеснение плоти, а разрыв связи души с Богом. Можно бежать марафон и испытывать высший экстаз благодаря единению с Ним – просто сосуд полон Сущностью счастья. А можно купаться во всех благах мира и иметь горе такой силы, что и мир не будет мил, и человек не хочет жить. Только для молитвенника Вселенная становится всеми благами мира, а для иного мужа даже все блага мира становятся обузой, то есть мешают жить.

Получается, что молитвеннику всякая тяжесть будет еще одной фиброй стяжания радости. Исходя из этого, мы понимаем теперь поступки отшельников, кои обживали северные территории, мы понимаем также всю глубину подвига пророка Авраама. Мы понимаем суть древней славянской традиции.

Еще один оттенок-слагаемое. В то же время человек, пребывающий в единстве с Богом, понимает, что теперь, чтобы хранить свое счастье, ему надо быть осторожным и не позволять себе многого. Он как бы несет свой кувшин с драгоценным содержимым, обходит с особой осторожностью все препятствия, кои могут повредить полноту кувшина, и боится его расплескать – он теперь уже не скачет, как раньше, по валунам, к примеру, а, оберегаясь, не отступает от протоптанной тропы закона общежития ни на шаг – все безопасно обходит стороной. В этом же прообразе все в природе чело-

века заточено на достижение только этой цели – удержать радость в уме. Потому человеку не надо иметь физиологических достоинств, ибо он в прообразе недостигаемости Бога осторожен во имя любви ко всему тому, куда он несет в себе свою радость. Вселенная человеком счастья имеет смысл и торжествует именно его присутствием. Человек недостигаем ради счастья тех, от кого он прячется и для кого он недостигаем, чтобы быть достигаемым для них. Вселенная – это наше тело, кое радуется головой и служит Богу через голову – через наибольшее подобие Ему в человеке. С одной стороны, голова инородна телу как компас – путнику, ибо постоянно понуждает к переориентации, но в то же время, как компас, имеет соприродность телу. В счастье все лимитировано только тем, что достаточно для его присутствия, а потому оптимальностью и лаконичностью. Чего-то лишнего вне этого плана не существует или оно тут же уходит в небытие. Такова «диктатура» радости и счастья во всем – условие суровости аскезы и тяжести жизни в самых трудных условиях, коя благодаря радости как ущемление не воспринимается. Телу достаточно радости для души. Так же ведет себя инок. Душевная радость – превыше всего, конечная цель всего и вся, а потому отшельник понимает, исходя из собственного опыта жизни, что это счастье удержать можно несением креста своего, постами, кои со временем он стремится усилить. С другой стороны, усиливать или возрастать в способностях физиологии можно только не выходя за пределы радости. То

есть перед нами марафонец, поставивший рекорд мира, который смог достичь таких результатов в пределах своей духовной радости.

Тяжесть жизни не должна травмировать психику, ибо всякая нагрузка имеет место в бытии только для одного – активирует еще большую полноту счастья и появилась в реальности Вселенной только для усиления переживания экстаза. Вне этого плана физическая трудность любой тяжести в бытии бы не возникла. Если этого нет, то вина в этом того, кто терпит этот ад как наказание. Только в этом случае он чувствует свое присутствие в Святом Семействе, вне Коего нет ему жизни. Это можно сравнить с пловцом, коему, чтобы видеть Солнце, надо поддерживать себя на поверхности водной глади, то есть постоянно делать движения руками и ногами в воде. В этом прообразе и на достижение только лишь этой цели заточен весь функционал тела. В процессе эволюции тело получает такие достоинства, кои этому содействуют все лучше и лучше. Так, организм все лучше и лучше утверждает работу мозга, сильнее потворствует ясности ума. А само тело получает такие достоинства, кои могут сильнее способствовать богообщению в более общем плане – ведении образа жизни, хозяйства и политической деятельности.

Человеку свойственно расти, ибо ему когда-нибудь, через много времен, надо быть подобным Богу, ради чего Он, Творец, принимает нас с вами как одного из Своего Семейства. Просто Он знает, что когда-нибудь мы станем такими, как

Он, по Благодати. То есть Он общается с нами как с Одним из Предвечного Совета на равных и даже всецело несет послушание у нас. Он живет заботами о каждом из нас и нашими печальями. Ведь мы тоже общаемся с ребенком так же, как с личностью, хотя процесс становления его как адекватного человека еще далек от завершения. Подвиг аскезы как способ бытия в радости Божьей становится сначала нормой жизни, а потом в процессе эволюции все сильнее переходит в физиологические признаки, становится характерной особенностью организма. А как только подвиг аскезы становится нормой жизни, так сразу же уходит острота борения с собой, а потому уходит и острота переживания экстаза, человек слабнет в созерцании Творца. И, чтобы вновь зреть Его в прежней кондиции, человек вновь делает следующий шаг ужесточения аскезы ради бытия своего в ней самой – в экстазе. К примеру, он старается принимать меньше пищи при той же активности образа жизни. То есть лишь бы аскеза была, чтобы восстановить вожделенный контраст в прежней кондиции, ибо вне его нет счастья. Причем самоистязания иной раз заходят так далеко, что для людей сие становится чудом. Надо сказать, что движение к удержанию прежнего контраста, в пределах коего тлеет радость, имеет разные направления: либо живое идет туда, где тяжело жить, либо это живое ограничивает себя, отказывается от какого-то природного достоинства, благодаря коему обусловлена живучесть тела. К примеру, тяжело осваивать воздушное пространство,

но через много лет эволюционно появляются крылья. Но так же тяжело жить, если живое отказывается от применения крыльев в той ситуации, когда без них тяжело. Если живое выживает, то постепенно необходимость в крыльях исчезает, и эволюционно от них уже ничего не остается, кроме всего того, что потом оформится как руки с пальцами. Именно по этой же причине человечество приняло оседлый образ жизни – так тяжелее, но зато есть все остальное. Таким образом, подвиг инока – это направление активации и активация всех эволюционных процессов только в одном направлении – к большей близости с Богом, в стяжании человечности в образе Того, кто, если говорить данным понятийным языком, вообще видимым образом не имеет достоинств, и Его визуально даже нет, ибо Ему абсолютно тяжело быть землянином. Он видимым образом даже не присутствует на Земле и, более того, Сам постоянно жертвует Собой, отдает на растерзание Себя.

Мы видим результат эволюции жизни: человек не имеет звериных достоинств, то есть как бы отказался от мощных рогов, копыт, от всего остального – только любит, и на этом все.

Итак, подвижники веры настолько счастливы, что даже и не ведали о том, что их плоть сильно изношена и истощена потугами, ибо бремя – это процесс ношения в себе радости. В чистом виде бремя без радости бытия становится мукой во имя достижения цели.

По этой причине можно сказать о Воскресении Христовом в том образе, в коем он предстал перед взором Его учеников после сошествия Духа Святого в Пятидесятницу. Это не каторжный труд миллионов людей, запускающих в околоземное пространство первого космонавта. Они видели, как Он, отведав рыбу и хлеб, поднялся на Небо с плотью. Это и есть конечная реальность того контраста, озвученного на этих страницах совершенства в границах абсолютно, казалось бы, невозможного. К этому мы должны прийти путем эволюционного становления человечества. Даже если бы этого не произошло, то все равно человечество шло бы к этому. Но зачем нам какие-то иные образы человека, кои возникнут благодаря эволюционному развитию в будущем без Христа, без шествия за Ним? Ведь всякое открытие высвобождает огромную энергию, но только в одном случае она живительно красива – когда энергия высвобождается в образе человека, который с Богом. Всякое иное высвобождение энергии ведет к иному – к трагедии. После чего человечество жаждет оседлать это явление, то есть вернуть его в должный образ человека с Богом, только посредством научного подхода. Такова суть грехопадения, после коего мы в изначальном стремлении оседлать Вселенную и ее ближний и дальний космос. И тут два мнения. Одни говорят, что если человек «живет о Боже», то не заметит своего положения, то есть научный прогресс становится костылем для людей, у коих вера ослабла, и человек болен. И для выздоровления

ищет силы не в Боге, а в окружающем мире (вспомните, чем прикрывал свою наготу в беседе с Творцом в Райском Саду после грехопадения, – он не пошел к Отцу Небесному, но сорвал листья смоквы). Другое мнение – о том, что научный прогресс дает возможность человеку более полно входить в межличностные отношения с Творцом. И то и другое мнение верно только в совокупности, ибо дает возможность жить во Царствии Небесном, совмещая с бытием в космосе, в глубинах океанов и так далее. То есть научный прогресс должен служить жизни, а не быть инородным телом в спине цивилизации.

Откуда в человеке сие? На самом деле все это тоже заложено в нем – как память, как путь возвращения, как специфическая грань той же радости Царствия Небесного. Сам факт, что человек ходит на ногах, вместо того чтобы разумно ползти, говорит о многом. Люди выгодой никогда не пользовались, а русские выгодой никогда не жили. Да, это тяжелее, опаснее и бессмысленнее, чем передвигаться лежа, но зато мы счастливы так сильнее, и этого достаточно, чтобы идти на любые жертвы, и об этих тяготах даже не ведаем. Более того, даже пускаемся в кружение танца или совершаем полеты в небе без парашюта. В этом прообразе вершится всякая победа над смертью, и Голгофа Христова – первообраз сему. Ведь тяжесть жизни стимулирована радостью бытия, и радость бытия сопряжена с тяжестью жизни, коя в радости перестает быть тяжестью, так же как ад в присутствии Творца

становится Царством Небесным, так же как зло становится добром в присутствии добра, а тьма становится освещенной в присутствии свечи – становится проводником световых лучей. Возникшие трудности обуславливают возможность через эти болезни и страдания четче видеть Лицо Творца в чудесах выживания. Все трудности мира – способ видеть Лицо Бога экстазом, без чего мы теряем самих себя. Иными словами, не лежать, а стоять на ногах – этот прообраз Голгофы Христовой не тупость, а средство и способ жить во Царствии Небесном. Так создается видимость контраста, обуславливающая переживание экстаза, с помощью чего мы получаем возможность видеть Его Лик и благодаря этому переживать восторг счастья в Нем. То есть это еще и природа познания.

Мы когда-то были червем и им остаемся, но, неся в себе его несовершенство, движемся к более Божественным высотам красоты. Хотя он так и остался змеем. То есть мы носим его в себе в виде пищеварительной системы и ее желудочно-кишечного тракта.

Контраст контрасту рознь. То есть контраст должен быть образу Его. То есть мы подняли голову как можно выше к небу, и это более подобно Творцу, Который выше всего. А ведь могло быть иначе. Человек мог, к примеру, не ходить на узеньких стопах, а кувыркаться – это тоже тяжесть, но не в образе Бога. А раз так, то это тупик эволюции. Ведь только Он не имеет конца эволюции до подобия Ему из-за Его величия.

Человек и далее будет идти вперед, к большей полноте контраста в Боге, благодаря чему в пределы коего все сильнее будет включаться вся Вселенная (в том числе благодаря научному прогрессу). Человек будет усложнять себе жизнь только для этого, только для этой способности видеть Бога и быть членом Его Семьи, при этом связав в себе всю Вселенную, включая и бездну. Он, человек, отказавшись от чего-то в самом себе, обуславливающего облегчение, и пойдет на иной прообраз Голгофы Христовой, но лишь бы быть на ней всегда. И так будет во все времена бытия человечества. Повторю эту мысль еще раз. Радость о Творце, благодаря коей человек не чувствует тягот, – это не часть физиологии, а он сам и есть по природе, ибо в процессе эволюции не человек природный, а радость адаптируется к этой тяжести. Именно так человек стал прямоходящим, а не ползающим лежа – просто так больше счастья. Человеку нужна эта контрастность в прообразе черного и белого, благодаря коей различимы ориентиры, ведущие к счастью – вечно быть и жить. Мы живем в белом, а черный нужен для свидетельства о белом. Неважно, какой природы данная трудность – она нужна не для того, чтобы испытывать боль, а для того, чтобы найти и удержать в своем сердце счастье, и потому место человека – всегда на краю пропасти, между-между, то есть там, где есть возможность активировать контраст, в коем Божественная крайность контраста переходит в противоположную составляющую контрастности. Таково еще одно

определение человека с Богом на понятийном языке эволюции. Этот момент был белой линией древней веры ариев.

Теперь, в наши дни, тяжесть аскезы, к которой он вновь начал адаптироваться, опять имеет несколько иные яви, но, как и прежде, они остаются в пределах утверждения радости бытия того же Царствия Небесного в пределах земного. Счастливому в Боге не следует забывать о том, где он пребывает, и помнить надо, что условием его радости остается радость тех, кто вокруг него. После того как мы покинем этот мир, мы также будем делать то же самое – делиться своим счастьем, и поле брани останется тем же, но уже в иных перспективах и с другими возможностями. То есть аскеза не должна покушаться на счастье человека, но поддерживать его – это очень важно. Причем возрастание в аскезе нужно и жизненно важно, ибо сие есть естество живого, но, опять же, возрастание только в пределах счастья о Боге, то есть без разрушения полноты радости. К примеру, больше и больше работать физически, меньше и меньше есть или обходиться меньшими и меньшими бытовыми удобствами. То есть путь роста может идти именно в этом направлении. Таков путь к Богу.

Итак, человек жил и живет во Царствии Небесном всегда, и несет радость бытия Его через всю историю человечества, и передает ее по наследству, как эстафету. Ничего иного, кроме этой радости о Боге, направления и образа пути к ней, по наследству

передать не может. Хотя, конечно, опыт аскезы как условие выживания идет в будущее из глубины веков и адаптирован в физиологии. (Если знания в математике и физике не вписываются в этот опыт аскезы, то они уйдут в небытие как инородное.) Будущее аскезы будет активировать борьбу за спасение Земли от наступления пустынь и в пределах этого рост во всем ином.

Человек – это радость. Вопрос только в том, насколько полно и гармонично радость человека вписывается в эту реалию абсолюта счастья Царствия Небесного в пределах этого временного нашего земного бытия. С этим столкнулись самые древние люди Земли и свой опыт выразили на том языке символов, который был им понятен.

Итак, подобное рождает только свое же подобие. Потому Бог мог дать человеку только доброе – все Свое Царство Небесное, и потому все вокруг нас не может быть злом, а только раем. В пределах именно этого рая может быть мирное сосуществование, и всякое взаимодействие может идти именно в пределах радости рая. Зла нет в природе, но есть противоестественное восприятие человеком этого дара Божьего, инородное Ему поведение и инородное миропонимание о Нем. Бог не дает зла – только добро. Трудность аскезы лишь в том, что добро Его очень тяжело принять как добро на пользу, а без единства с Ним просто невозможно, и от этого мучительно больно.

То есть трудность тут – одно из двух. Либо становится му-

кой, чтобы человек вернулся к единению с Творцом. Либо усиливает радость восприятия Бога, благодаря чему трудностью она не воспринимается, ибо она есть составляющая природы контраста, то есть экстаза, в пределах чего радость распространилась бы сильнее и шире и человек ею владел бы как можно больше в пределах торжества счастья над горем, торжества жизни над смертью.

Так же как марафонец усиливает нагрузку на тренировках, то есть не покушаясь на самое-самое – на радость быть в экстазе посредством бега, он растет в скоростных режимах своего бега. Иными словами, не покушаясь на самое-самое в пределах полноты счастья, человек должен возрастать в аскезе и, довольствуясь малым, должен вобрать в себя всю Вселенную, преобразить ее и представить на Суд своему Творцу. Это все важно проговаривать, ибо ущемление полноты счастья ведет к тому, что человек начинает отрубать все то, что оказалось ему помехой. Он впадает в алкоголизм самого разнообразного проявления.

Бог говорит человеку слово Свое, и человеку, чтобы понять Его мысль, нужно быть таким же, как Он, великим или иметь возможность стать совеликим Ему. А Богу, чтобы быть понятным для человека, следует унизить Себя до ничтожества воспаления грехом. Здесь мы видим прообраз сотворения мира. Человек будет великим хотя бы в бесконечно далеком будущем благодаря возрастанию, из-за чего он уже личность, уже Бог в Благодати Духа Святого. Так же как эм-

брион в самые первые моменты после зачатия уже есть младенец, уже личность человека, охраняемая Законом Конституции на равных с теми, кто уже родился, но оформится до естественного нам вида не сразу, а со временем – в процессе взросления. Сам факт, что Бог слышит нас, говорит о том, что когда-то мы должны вырасти до Его Высоты. То есть возрастание до подобия Ему – это часть Божественного Образа и полноты Его, коя не закончится никогда. Сама смерть – это необходимость для дальнейшего взросления, человеку в том его состоянии земного места мало для величия, ему тесно. А вот это-то и есть еще одна грань природы трудности и скорби. Человек возрастает до образа Творца в процессе эволюции, и сам этот факт делает его личностью, делает его членом Предвечного Совета Бога-Троицы не когда-то там, в бесконечном будущем, а уже сейчас – в этой жизни. Да, эмбрион в утробе матери... насколько он мал и слаб, но это уже личность, и нам следует относиться к нему как к личности. Лишь бы полнота Божественного в развитии эмбриона не была нарушена, и продолжалась бы всегда в верном направлении, и имела бы точный образ совечности Творцу. Так что человек, природа которого эволюционно становится до абсолюта Творца, уже есть собеседник Бога, то есть призван понимать речь Творца к нему, ибо родственны в Естестве природной Сущности абсолютно. Надо вписаться уже при жизни земной в бытие во Царствии Небесном, то есть вобрать в себя всю Вселенную. И, чтобы понять, а точнее, понимать Его

Слово и возрадоваться или постоянно радоваться Им, нужно приложить или прикладывать усилия в поте лица постоянно. И сие имеет много граней проявления, и славянская вера – одна из них. К примеру, Бог дает силы через зерновые культуры. Но их для начала надо выделить из всех растений как особую культуру, потом окультурить и даже вспахать почву. Это сделал древний. Но и сего мало, ибо день год кормит, и если не знать времени посева, то злаковые могут замерзнуть во время всходов, а если поздно посеять, то могут и не дозреть до наступления холодов. Чтобы точно знать время начала пахотных работ, необходимо иметь постоянную точку отсчета в прообразе Божьем, то есть немного лучше вписаться в Его Царство. Это тоже форма речи Бога к человеку, в коей свои законы оформления слов и предложений. Вокруг нас все есть Царство Небесное, и нам надо в него гармонично вписаться, и вот календарь – это следующий шаг в извечном движении людей по направлению к этому Раю богообщения (мы можем полнее отдавать себя молитве, коя лучше звучит в новом образе жизни). Повторюсь, что так как мир вокруг нас – это постоянное общение личностей Бога и человека (об этом сказано в содержании ниже), то понять мысль Творца в Его Слове к нам становится самым важным и приоритетным, без чего выживание невозможно. Ведь Он есть жизнь и может сказать только Слово жизни вечной в любом его земном явлении. Человек искал понимания Его слов и здесь, и сие есть поиск Истины. Не это ли ищет ученый?.. А ищущий

всегда найдет – так люди заметили, что раз в году, в самый короткий день, Солнце начинает подниматься в строго определенной точке горизонта. Этот момент стабильности – как первый признак абсолютной стабильности Божественного, как отклик из Царства Небесного – и был взят за основу отсчета годового цикла, благодаря чему праздник жизни беседующей с Богом души более полно адаптировался в земных условиях. То есть теперь время посевов можно планировать не вслепую, а выравнивать так, чтобы и побеги не замерзли весной, и урожай успел бы созреть до холодов осенью. Мир вокруг нас, как уже сказано, – это Царствие Небесное, в него надо только гармонично вписаться, чтобы быть счастливым в естественной для человека Божественной полноте. Иначе говоря, человек, изобретя календарь, в радость этого бытия окружающего Царства Небесного вписался более полно – теперь он собирает более устойчивые урожаи, а значит, меньше голодает, то есть его молитва Богу сильнее. Божественное в человеке опять не дает ему покоя – нет уже той должной кондиции остроты борения себя. Высвобождаются руки для творчества и созидания в иных сферах мировосприятия, и теперь он может утверждаться в радости уже иначе. Верно понимая мысль Творца, человек радостью и счастьем более полно становится членом Предвечного Совета Троицы в пределах дозволенного ему присутствовать на Нем. Эту цель преследовали строители Стоунхенджа. Теперь они могут назначать время встречи для торжеств и многих дел люб-

ви. Не для войн и не для военных экспансий, ибо тогда бы Бог календари разрушил, а только для нового, следующего шага единения всего человечества к единой молитве Богу, ибо в этом ее сила умножается. Тем самым смогли достичь выдающейся цели – очень много людей, живущих на данной территории, оказались сопряжены в беседе с Творцом. Подобное порождает только свое же подобие – надо быть радостью, чтобы творить вокруг себя тоже радость и утверждать мир. Повторюсь, что вся окружающая нас реальность – это уже Царство Небесное, о коем он, древний, мало что знает, и история человечества – это именно поиски наиболее гармоничной адаптации человека в окружающем его Царствии Небесном уже сейчас, при этой земной жизни. Во имя того, чтобы, став счастливым, сотворить мир по образу Его и подобию Его – в счастье. То есть человек все сильнее и сильнее отходит от того образа, который он получил после общения с дьяволом в том прообразе, который дьявол имел. Этот образ так и остался кровоточащей раной до самого Пришествия Сына Божьего в мир, после Тайной Вечери Коего червь в виде пищеварительной системы стал дополнительной формой беседы человека с Творцом во Царствии Небесном. Именно в этот момент эволюционного становления вписывается не только переход к оседлому образу жизни первобытных людей, не только Стоунхендж и не только приручение огня, но и все остальное – научная революция в современном мире – в том числе. Мы дальше отошли от дьявола, то есть мы пере-

стаем делать дела Божьи (а мы все живем только ими) не ко времени, не к месту, не в меру мало или много, а все сильнее сопряжены с Божественным промыслом. Человек уже сейчас живет в Раю. То есть уже здесь мы должны быть в Раю и, распознав радости Рая Небесного, жить в них уже при земном нашем бытии, чтобы остаться в нем после перехода в мир иной когда-то там, потом. Поэтому-то и только поэтому мир движется к еще одному образу Бога и Его Царства – все люди должны оказаться в едином сопряжении беседы на Предвечном Совете Бога-Троицы. И вот тут и появляются религиозная система, речь с мощной философско-богословской базой, государственность, научный прогресс – как инструменты, позволяющие оставаться единым целым с Предвечным Советом Бога. Каждый человек в этом процессе значим и обязательно должен быть счастлив в Нем. Тут нет бомжей, нет извращенцев, но есть всеобщая молитва Ему. Это очень важно сказать хотя бы для более ясного понимания того, как велико для славян значение наследия древней веры их. И в то же время их вера, как «всякое дыхание да славит Господа», должна вписываться в общий контекст мирового процесса богообщения, вне коего славян ждет участь вырождения как отсутствие полноты бытия в Нем. Тут никогда не могло быть узурпации истинной веры в каком-то одном народе.

На всякий случай следует дать более полный комментарий тому, что Благодать Духа Святого стирает все национальные границы и делает семьей все народы.

Но подвиг аскезы все же национальность имеет, и надо здесь учитывать исторический путь становления народа, его физиологическую уникальность. Надо говорить о Творце на понятийном языке того народа, в пределах жизни коего ведется проповедь о Христе. А если говорить о нашем времени, то вообще нужна нежность, ибо надо все делать в пределах радости каждого человека. Ведь современное общество из-за научной революции искалечено бытовой неподвижностью жизни. Современный человек боится физических нагрузок, так как оные разрушают счастье, усиливают травму и без того уже больной психики. Скованность в движении, коя свойственна некоторым формам жизни, утверждена необходимостью обездвижения того, что не имеет в себе радости. Движение призвано усиливать переживаемый экстаз в Боге. А если для этого нет должной полноты Его присутствия, то усиливается уже диаметрально экстазу – появляются боль и рана. Это страшнее всего. Поэтому, чтобы ограничить зло и защитить счастье, Бог обездвигивает. Именно по этой причине люди без Благодати становятся ленивыми и постоянно ждут перерыва на отдых, то есть живут минутами отдыха. Сей момент выражен в древних учениях более наглядно.

Поэтому для ясного понимания нам, как тем древним праславянам, удобно прибегать к аллегориям при формировании своего уникального понятийного языка. Будем формировать его, прибегая к тем же инструментам, коими пользовались наши предки. Это

нужно делать не только для того, чтобы узнать себя и свое национальное лицо в религиозных концепциях той самой древней поры, но и сделать доступными осознанию современные научные разработки.

Вопрос состоит в определении Рая: «какой он». Это все важно знать, ибо, только ведая о природе души, можно подвигнуть ее на подвиг. Ведь человеку на самом деле жить ради стяжания земных благ противоестественно. Он в первую очередь должен быть в Семье и решать Семейные дела, в пределах чего могут быть блага земные, а могут и не быть в нашем понимании (мы в радости всего этого не видим). Только в этом случае человек пойдет на подвиг, ибо движим любовью к своим родным.

Итак, мы в общих контурах разобрались с природой человека. Примерно осознали ее происхождение. Но еще непонятно главное: а именно то, как бороться за свое счастье. Может, нам всем надо «выйти на берег, отрубив то, что нас связывает с временностью мира», как это практикуют люди с мертвой душой? Или все же быть в быстро текущей «воде» мировой всеобщей относительности, которая представляется нам жизнью? Если все имеет прообраз постоянства берега, то как нам хранить этот образ? И вот тут-то начинается то, что называют духовной бранью. Приходят к нам некие умники и говорят откровенную ложь, прикрытую полуправдой. Да, счастье человека всегда имеет прообраз этого берега, то есть его множественные

оттенки. То есть оное в стабильности, оное в постоянстве, оное в неизменности. Да, надо стоять за стабильность. Да, надо бороться за постоянство без утрат. Вопрос в том, как за него бороться, как стоять за свое счастье, как хранить прообраз Царствия Небесного и жить в Нем. И нам предлагается два варианта: либо отказаться от борьбы и плыть по течению всеобщей временности (оставить борение за жизнь и залить все проблемы алкоголем или наркотиками, расслабиться в нирване), либо противостоять течению и хранить образ берега, а значит, остаться в межличностном общении с теми, кого любим и кто любит нас. Этот видимый мир всеобщей относительности и всеобщей временности гнетет своей непредсказуемостью и изменчивостью, ибо рушит все, и нашу природу – в том числе. Ничто в ней не вечно, все переменчиво, непонятно и потому пугает. Если отказаться от всякого движения, от всякой борьбы, расслабиться, то человек сам становится временным, ибо вне личностного общения нет человека. Хотя, казалось бы, вот оно, счастье: избавься от всяких желаний и спи, ибо цель есть усилие во имя достижения цели, кое всегда автоматически сопряжено с понуждением. А это напряжение сил и даже страдание (помните слова Птицы Счастья в фильме Н. Птушко: «Спать, спать, спать»?). Но как расслабиться и плыть по течению, если детей надо кормить, если живешь среди любимых, да и просто надо содержать дом (об этом же говорит Садко: невозможно иметь счастье даже Богу, если кто-то

несчастлив). Бросить все и расслабиться? Нет, ибо у семейного душа за них болит, ибо личность – это то, благодаря кому имеет смысл бытия даже сам берег. Берег без личностей не является постоянством. То есть все-таки нужно противостоять течению всеобщей относительности ради тех, кого любим и боремся за их жизнь. И вот другой ложный путь предлагают нам. Чтобы противостоять ему, чтобы для любимых хранить желанный покой, чтобы для любимых во всем хранить желанный прообраз Берега и видеть своих родных, нам предлагают выход из положения – проявлять силу воли. То есть как бы усиленно грести руками и ногами против этого сильного потока стихии, благодаря чему можно стоять на месте и оставаться в обществе желанных лиц. Нам говорят правду, по идее. И кто тут будет спорить с тем, что нужны огромная сила воли, выносливость и даже особые природные данные – как исключительные достоинства, сформировавшиеся эволюционно? (А некоторые говорят, что нужно иметь деньги.) А кто спорит? Все правильно. Сдаваться нельзя и при этом понуждать себя к труду и терпению. Но, к сожалению, неизбежно, как это всегда бывает: силы уходят, иссякают, деньги заканчиваются. Постепенно сдают нервы и приходит уныние от неблагодарности тех, кого любим. Нет тут возможности быть в постоянстве, ибо сил, кои мы ищем в себе, у нас нет. И вот когда сил нет, тогда и начинается ломка всего остального. Утраты за утратами. И человек сдается на милость этому водопаду, все более и

более поддается течению (появляется алкогольная зависимость), и стихия временности и перемен ломает человека, уносит его в образе первого варианта, отчего мы теряем своих детей. От борения устает человек, и оно неизбежно проиграно. В хозяйстве начинается запустение. Как быть? Хитрости, к коим прибегают некоторые, рассматривать не будем.

Но вот о третьем пути борьбы нам не говорят и утаивают его. А ведь именно он является самым важным наследием, которое пришло из самой Древней Руси. Ведь как-то надо совместить в себе две реалии: и отдых нужен (то есть плыть по течению), и борение с бесконечным всеобщим током. Как совместить одно с другим, ибо обе составляющие имеют место бытия в нашей природе и без одного из них, согласно нашим суждениям, жизнь становится невозможной? Для решения этой проблемы ответим на вопрос: «Что такое отдых?». Отдых – это восстановление сил, а можно сказать, что отдых – это процесс заживания ран, возникших в психике. Равносильные понятия.

Для наглядности вновь прибегнем к той же системе понятийного языка аналогий иносказательности (древнего славянина). Когда рассуждаем о природе человека, а именно – «берег – река», то ясно одно: оставаться в реке и быть связанным с берегом, стоять на нем можно только одним способом – надо углубиться в природу самого себя и достать дно ногами – найти брод. (Улавливаете созвучность слов «берег» и «брод»? Они – смысловые синонимы, хотя означают для нас разные

вещи.) Есть твердыня под ногами – необходимость в усилиях грести против течения отпадает. А как эти аналогии в природе распознать в природе души и применить на практике? Как уже оговорено, природа человека двоична, и постоянная ее составляющая, «берег-твердь», – в нас самих. Может быть, повторюсь: надо не грести изо всех сил против бурливого потока вод, а просто искать точку опоры в том естестве, в коем люди жили до грехопадения, – на берегу Царствия Небесного. Дно реки и берег ее сопряжены и являются соприродными. Достать дно ногами при жизни, уже здесь и сейчас, – означает стать насельником Царствия Небесного. То есть уже сейчас осознать все то, что будет с ним после смерти, и жить уже сейчас по законам Рая. Достать ногами дно бурливой реки своей двоичной природы и уже при этой жизни понять природу берега и воспринять его законы Царства Небесного – быть уверенным в себе и активно этим пользоваться. То есть, повторюсь, не грести против течения, самоистязаясь, расходуя последние силы, а именно просто стоять на дне русла реки и противостоять ее бурливой скоростной стихии даже в самой сильной круговерти, ломающей все и вся. (Эти мысли важны для тех молодых людей, кои бьются в отчаянии, пытаясь удержаться.) Человек, который смог нащупать дно этой реки, осознает многое и точно будет уверенным в том, по какой твердыне он начнет ступать после смерти. Он, как младенец, распознающий грудь матери, распознает заложенное в его естестве, то есть сам найдет то, где и как он будет

ходить, ибо все это уже есть и заложено в его природе. Поймет и другое: что руки и ноги ему даны не для того, чтобы грести ими в воде, а для иного совсем. Да и вообще весь мир для другого – для общения с Личностью, постоянство-берег которой есть не Она Сама, а только лишь грань ее природы. Нащупать дно реки – это начать движение к Нему для прямой беседы с Богом. Рассказывать об этом нет смысла, ибо оказавшийся стоящим на дне русла всеобщего течения сам все поймет. А тому, который не ступил на эту тропу, и смысла нет что-то говорить, ибо он не поверит в то, через что не прошел. У каждого из нас есть эти крылья, но так как образ жизни не понуждает нас к полету, то и мы знать ничего не знаем о том, что они у нас есть, – ходим и волочимся по земле и этим опытом выживания довольствуемся.

Некоторые итоги этой главы. На основе всего контента перечисленных в этой главе слагаемых, характеризующих естество природы человека, можно сделать какие-то важные выводы. В пределах этих схем и символов, как мы заметили, таится целая динамика активности реальных межличностных отношений человека с Богом. В этой твердыне дна всеобщего течения лежит суть еще одной грани Нетварных Энергий, кои открывает нам Спаситель Христос. Он открывает эту реалию бытия и делает нас всех, таких разных, едиными в ней и с самим Собой. После чего мы, оказавшись причастниками Его Сил, сами становимся проводни-

ками Его Энергий и в возникшем контрасте переживаем экстаз самим процессом передачи. Разные религии и даже научные исследования по-своему приближают к решению этого вопроса. Но только лишь приближают, ибо нет Сущности Благодати Духа Святого. Хотя, надо сказать, даже малая близость к богоподобию вводит человека в некоторую степень счастья, пленником чего становится человек и этим довольствуется, оформив свой опыт радости в религиозном поучении. Понятно, что неполнота требует своего, и недостающее звено полноты исповеди веры всех дохристианских вер покрывается только одним – кровью. Но большинство их, как и сама наука, несут в себе одно общее с целями современного научного анализа. Дело в том, что нагрузка – это такой катализатор, который усиливает то состояние души, в коем она пребывает. Если в душе радость, то контрастом усиливается радость. А если боль – то усиливается боль, из-за чего человек неспособен к труду. Только с радостью он может идти на подвиг. Тело с больной душой нуждается в покое, ибо только в этом случае боль минимизируется, нет усиления оной. Вот почему больные психикой ищут себе такой труд, который отличается малой подвижностью. Так вот, все атеистические учения привязаны к тому, чтобы минимизировать всякое движение или физическую нагрузку до абсолютного минимума (мы не рабы, рабы не мы), благодаря чему травма психики становится минимальной, более легко переносимой. Меньше времени для заживления малой раны. Эту

же цель несут в себе не только учения дохристианской эпохи, но и сам научно-технический прогресс начинает покровительствовать процессам отмирания болящей души. Вместе с отмиранием человечества в небытие уходит все живое (человек цепляется за все, ищет источники энергии, засоряет океаны и моря, губит флору и фауну, чтобы удержаться на плаву). Повторюсь, таково положение дел: если психика больная, то физическая нагрузка в данном случае усиливает страдание. А если человек психикой здоров (един с Абсолютом хорошего здоровья), то те же физические нагрузки усиливают уже экстаз, ибо для таких потребность – делиться своим счастьем. Так решил Батюшка Небесный, ибо Он хотел, чтобы было побольше любви. То есть Он хочет, чтобы силу и авторитет имели только те личности, кои несут радость Божью. Этот момент важно подчеркнуть, чтобы внести ясность понимания того наследия, кое к нам пришло из самых древних времен, адаптировалось в православии и стало основой счастья. Тот, кто сопряжен с Богом, может многое. А тот, который не сопряжен с Ним, не имеет сил, и он неспособен на жертвы собой.

Так вот, только экстаз имеет значение для жизни, и только он и есть сама жизнь. Иными словами, все остальное – лишь как-то вписывающееся в этот порядок вещей, то есть боль и нагрузки стимулируют выход из себя только в одном направлении – к Богу, прообраз чего получил в процессе эволюции организм человека: голова как можно сильнее отмежуеться от

процессов, происходящих в теле, максимально изолируется умственный процесс от всякого шума и выхлопа, неизбежно сопутствующих процессам жизнедеятельности организма. Внутри самого организма идет борьба за чистоту, благодаря коей стяжается максимум ясности ума и очищается счастье. Иными словами, счастье – это не результат каких-то поступков. Счастье – это очищение в своем сердце своего Царства Небесного, в коем мы уже здесь, на Земле, живем, но из-за грязи своей инородны Ему и Его Раю. Но в любом случае экстаз и радости его – это сама природа человека. Это главная мысль данной книги.

Этому счастью – жить в труде – надо научиться, тогда здоровый бедняк всегда будет счастливее больного короля. Это важно сказать, ибо для государственной безопасности нужны люди, которые будут видеть радость в исполнении своего долга.

Эволюция. Что это?

В науке много моментов, которых следует очень остерегаться и с большой осмотрительностью принимать их на веру. Ибо всякая теория – это учение, кое в основе своей содержит много непроверенных предположений, на основе коих строится все остальное. В некоторых из них мы разберемся в этой главе. К примеру: что такое эволюция? В предыдущей главе уже начат разбор этой темы, но не так углубленно, как сие подобает сделать. А потому продолжим.

Для начала решим самый главный вопрос – об абсолютном совершенстве. Что это? И где ему место? Какое дать ему определение? Если совершенство – это благо, то где путь к совершенству? Если сказать, что совершенство наступит когда-то там, в далеком будущем, то какие выводы из этого утверждения можно сделать?

Нас учили, что все движется к совершенству благодаря эволюционному развитию в жесточайшем естественном отборе, от простого к сложному в единстве и борьбе противоположностей. Причем это движение всегда спиралеобразное. Следовательно, есть такие формы жизни, кои наиболее сильно вышли вперед, то есть наиболее преуспели в этом движении к совершенству. Так появились понятия о сверхчеловеке и недочеловеке. Получается, что теория эволюции – это основание для возникновения профашистских

идей. Сам факт, что оные пленяют умы многих, говорит о том, что гитлеризм будет появляться везде, где проникло это учение об эволюции в данном образе. Если есть корень сорняка, то неизбежны и его всходы.

С другой стороны, о каком совершенстве говорят приверженцы теории эволюции? Давайте разбираться. Итак, согласно диалектическому материализму, совершенство – в будущем. Здесь заложено семя соперничества, в коем жить должен самый лучший, самый совершенный, имеющий в себе все необходимое для успеха. Но это для торжества в противостоянии, а не для любви. Более мощные рога, более мощная пасть, огромный пятак вместо носа, более сильные и длинные копыта, размеры тоже должны быть наиболее великими. Не должно быть вообще никаких слабостей. В том числе не должно быть жалости. Беспощадность в молниеносной агрессивности – признак силы. И так далее. Появляется образ «совершенства», с которым не хотелось бы даже встречаться. Зловещий гигантский дьявольский монстр. И мы видим, что в реальности-то совершенство, коим является человек, как раз ничего этого в себе не несет. Естественный отбор имеет место быть, но ведет он куда-то не туда – вместо возрастания в силе, наоборот, к беззащитности. Более того, мы распознаем уже сейчас оттенки грядущего совершенного абсолюта, в коем нет даже намека на такой конечный пугающий результат эволюционного становления. Человек вообще не имеет достоинств в борьбе со смертью и даже беззащитен.

На самом-то деле жизнь – это уже совершенство. Это совершенство, в коем уже заложены абсолютно все достоинства и таланты. Им только лишь надо дать возможность раскрыться, дать раскрепощение Божественному в земных условиях. Совершенство надо очистить от грязи и поддерживать в чистоте – не более того. Это-то и происходит в природе Вселенной. Эволюция есть, но совсем в ином проявлении – в пределах усиления чистоты.

Это уже философия любви. Ибо достаточно лишь раскрыть все потенциальные возможности абсолютного совершенства живого, кои заложены даже в черве. Вся многогранность проявления Божественного в жизни бесконечна, но в реалии же на 99 (99,9) % спит и не задействована в повседневности. Это такие крылья, которые примитивная форма жизни носит в себе, но не дает им проявить себя, так как сам образ жизни не понуждает к этому. Все формы жизни равны между собой. Это во-первых. Во-вторых, следует ясно показать, кто такой «сверхчеловек». После службы в армии я начал помогать священнику в одном из храмов Свердловской области. Тут познакомился с потомственным охотником. Я всегда мечтал побывать на настоящей охоте, и он обещал меня однажды взять с собой. И вот моя мечта сбылась. Зима, идем на лыжах. Множество звериных следов вдоль, поперек и во все стороны. Впереди мой проводник, степенно передвигает лыжи, я иду по его следу, за ним. Он постоянно оглядывается и

тихим голосом рассказывает о том, что происходит в лесу, на основе своих наблюдений. Передо мной открывается картина обычной городской жизни, из коей только-только приехал. Но меня поразило другое – не его рассказы, а то, как он решает задачи с множеством неизвестных. Во-первых, у него настолько феноменальная память, что даже я выглядел перед ним таким жалким малышом. Он запоминал все с одного взгляда. Он помнил мельчайшие подробности событий много лет спустя. И это все было только началом. Вы должны правильно себе представить то, кем мнил себя и о себе я сам. Преподаватели удивлялись моим способностям, ибо, учась в высшем учебном заведении, я мог себе позволить в уме решать сложнейшие дифференциальные уравнения, в школе занимал призовые места на математических олимпиадах не только района, но и области. Мне внушили, что я не простой, а сверх-сверх этакий умняк. И, видя, как рассуждает простой мужик с берданкой за спиной, я сильно в себе разочаровался. То, чем я гордился, – для него обыденность жизни. Ведь сама по себе наука, к примеру математика, – это учение о мертвом, а потому и задачи, кои мне приходилось решать, примитивны, несмотря на их кажущуюся сложность. Владимир же, так звали охотника, имел дело вообще с непредсказуемостью флоры и фауны, то есть с живыми душами, и ведь ни разу не ошибся. А там головоломки высшего уровня сложности. Спасибо ему за его труды, ибо вся спесь

с меня тогда уже просто спала, и вот тут началось мое становление как нормального человека, а мое образование пошло по иному пути – след в след за охотником. Так что кто такой «сверхчеловек», видно из наглядного примера, который много раз привожу на страницах книги. У нас на Урале есть одно из семи чудес света – это каменные столбы «Семь Братьев». Когда-то в этих краях был обширный горный массив, от которого ничего не осталось, кроме вот этих изваяний. Ветры, вода и солнце разрушили все то, что поддавалось разрушению, а то, что разрушению поддавалось менее всего, предстало перед нами в виде семи высоких каменных столбов, коим дали такое наименование. Но нам интересно то, что верхний край этих скал так и остался частью того далекого горного ландшафта, он и есть та наиболее высокая составляющая того, что для нас является вершиной, сверх-сверх. Мы любимся тем, что когда-то было само собой разумеющимся, а ныне – самой высокой точкой этого участка земли.

Так же в истории человечества: все самое совершенное уже давным-давно имело место быть и живет своей обыденностью дня, а мы вот живем уже давно другим, мы, как рыхлая порода, отошли от изваяния и теперь любимся совершенством высоты. Разверну свою мысль иначе и скажу об этом же по-другому. Представьте себе, что некий молодой человек бежал по тропе и вдруг споткнулся, упал. У него ушиб ноги. С этого момента он думает о том, как восстановить свой прежний образ, ведь вне оного ему просто не жить.

В ином виде он быть на земле неспособен. И вот он начинает поиск истины, то есть поиск того самого, прежнего себя. И находит одно из наиболее верных решений – палку – и передвигается уже с помощью нее. Он думает, что палка делает его более совершенным, ибо с помощью оной в какой-то степени восстановил свой прежний образ, хотя и очень далекий от прежнего, но передвигаться может. Но ведь образ-то в новом проявлении абсолютно далек от прежнего, ибо с палкой он так бегать уже не может. Так вот, поиск того самого себя на самом деле в современном мире и есть то, чем заняты ученые: они ищут во внутреннем мире материи отклики Истины – ищут самих себя в том состоянии, в каком было человечество в самом начале своего бытия, в привычных нам реалиях. Потом мы дадим еще определения человека, хотя несколько иначе, где скажем, что человек ищет самого себя в иных образах. Человек – это высшая реалья аскезы, а потому он ищет в этом мире Истину еще и иначе – он ищет утверждения себя в аскезе, чтобы быть подобием Богу.

Еще раз: что такое поиск истины? Итак, перед нами некий человек, который споткнулся и повредил себе ногу. Теперь он ищет палку, чтобы продолжить свое движение дальше. То есть в данном случае человек все свои мысли и силы устремляет на то, чтобы хранить самый изначальный, прежний образ Божий, который он имел еще во Царствии Небесном. – в этом и есть поиск Истины. В него все это совершенство

уже заложено, и ничего он себе и о себе придумать не мог – только раскрыть вновь то, что утрачено, с помощью этого инструмента. И вот человек нашел эту палку в образе развитого научного прогресса – к примеру, он изготовил судно, на коем плывет по морю. Да, теперь корпус корабля помогает ему хранить образ Божий в прежнем виде или хотя бы в некотором приближении к подобию того изначального первообраза. Теперь представьте, что днище корабля получило пробоину. С этого момента корпус из вспомогательного хранителя подвига бытия в Боге превращается в опасность для жизни, от которой надо немедленно избавиться, ибо сам становится тем камнем на шее, который тянет на дно всех живущих на нем. Сломанная палка перестает быть нужной, а потому имеет уже противоположное значение – мешает жить.

Ведь аскеза – это сама основа основ всех абсолютно наук. Математика, физика, химия, биология и так далее – это не разрозненные научные поиски, а доктрины-синонимы, имеющие одно общее для всех их корневище – учение об аскезе богоподобия. Это на самом деле дочерние учения о том, как организовать аскезу, органично вписавшись в физиологию и естество самого человека, а также, пребывая или оставаясь в аскезе, не повредить своей природы, не повреждая себя самого, держать ту прежнюю Вершину вершин Царства Небесного, то есть «держаться на плаву в мореплавании». Это очень важно сказать, ибо

сказанное в этом предложении есть центральная ось мироздания, и сама природа человека, к которой все сопряжено и вокруг коей вращается все, и несет в себе образ ее. То, как это выразилось, мы раскрываем на страницах этой книги с разных сторон, раскрываем самые животрепещущие грани ее. (Это важно, ибо вне этого плана наука рождает инородное жизни – «пробоину в днище корабля», антихриста, то есть мыслящего монстра. Корабль тонет, и человечество цепляется за все то, что хоть как-то держит его на плаву. Человек не думает о сохранении природы, а думает о себе, уничтожая флору и фауну.)

Это, повторяюсь, и есть ключевой момент, который мы обрисуем, скажем о человеке много раз, когда будем говорить о воспитании детей, о монастырях, об эволюции Вселенной и так далее.

Вернемся к охотнику, с которым я был на охоте. Мне лично ясно, какими предстают ученые с выдающимися достижениями в науке. На самом-то деле – жалкие остатки всей той былой мощи, коей человечество жило и даже не ведало о том. Наш мозг, говорят сами ученые, загружен на жалкие 1-1,5 % всех своих возможностей, а где же остальные 98-99 %? Ведь остальная часть должна была быть востребована, ибо возникла в бытии как необходимость, ибо в естественном отборе ничего лишнего возникнуть не может. Потому перед моим взором восстает древний исполин с выдающимися умственными способностями, интуицией и даром видеть далекое и близкое

будущее. Потом что-то произошло, из-за чего началось «старение», ибо понадобилась трость для ходьбы: сначала в виде речи, потом – символов, потом уже это стало письменностью. Сегодня с помощью костылей пытаемся быть молодыми, но теперь уже даже компьютер не справляется с нашими запросами, ибо человечество принимает образ обездвиженного полумертвого тела, для поддержания рабочего тонуса коего нужны энергоносители. Жизнь становится энергоемкой, а потому идет захламление океанов, отравляются реки и вырубаются леса. Так, человек ищет способы решения проблем, о коих в своей исторической молодости даже и не ведал и не замечал. *Это с одной стороны, а с другой – «костыли» могут оказаться востребованными еще и в другом случае. Когда человек, оставаясь прежним совершенством, берет на себя ношу, коя настолько тяжела, что нести ее на себе уже не представляется возможным без помощи приспособлений. А потому деградации нет, но, с другой-то стороны, деградация идет, если продукты научного прогресса становятся инородными физиологии. Научный прогресс либо поднимает человека, либо его низводит. Одно из двух: как нож может быть дополнением для творчества к нашей природе, инструментом для созидания в руке, а может быть инородностью в нашем теле. Так же как корпус корабля: либо держит нас на плаву, утверждая нас в жизни там, где без него невозможно сие; а может быть грузом, тянущим на дно. Это*

всё прообразы бытия современного человека. Само грехопадение предстает перед нами в этих, озвученных тут, двух прообразах, один из коих требует от человека привести к Богу даже самого дьявола, который проник в Царство Небесное под видом змия-искусителя. Счастье не может иметь бытие, если оным не обладает хотя бы самая малая форма жизни. Таков путь за Христом.

Первый человек умом мог вместить в себя только то, что попало в поле зрения ему на Вершине вершин, а все остальное, вплоть до всего подножия этой Вершины, – нет. А без этого нет должной полноты богообщения – вот природа ноши непомерной, в коей надо вместить множественность знания с простотой богообщения. О цивилизации, коя способна вместить в себя все, можно говорить только при одном условии: если люди живут в единстве с Творцом, в беседе с Ним. Тогда включаются механизмы абсолютной оптимальности, при коих все лишнее, мешающее богообщению, само по себе исчезает. В пределах оптимальности, благодаря коей идут межличностные отношения, остается все самое необходимое и в то же время в полноте. Вне общения с Ним лишним становится все вокруг: эти поля, луга, реки и моря, да и сам человек. Что мы и видим, к сожалению.

Беда наша в том, что мы смотрим на своих национальных великих ученых совсем иначе – для нас это повод для гордыни, из-за чего мы начинаем гордиться своей национальной принадлежностью, вместо того чтобы утверждаться в сильной вере

вслед за национальными подвижниками святости. (Мне думается, что трагедия немецкого народа в его выдающихся ученых.) Из-за этого человек перестает соединять в себе простоту веры с выдающимися достижениями в науке. Нас, русских, тычут лицом в то, что Русь была молчалива столько веков, то есть без развитой культуры, но не говорят, что мы были непобедимы благодаря именно этому. Мы для них – варвары.

Кто такой космонавт? Это вся космическая станция на орбите, и можно восторгаться этим, но ведь он такой же, как и любой из нас, и для нас сия Вершина вершин является обыденностью. А с другой стороны, МКС – вершина эволюции бытия. Но дело-то в том, что мы посылаем в космос людей для того, чтобы радости было немного больше, а не выполнять какие-то цели и задачи. Ведь МКС с космонавтом на борту – это в первую очередь личность. Без счастья жизнь невозможна, и мы должны активировать радость на орбите, чтобы люди не замечали своего времяпрепровождения там. Нужна сильная молитва за них, а не требования от них.

Хотя, с другой стороны, если сказать, что эволюции нет, то тогда получается, что все формы жизни равны. Как тогда сравнить червя и человека? Они равны? Нет.

Сам Бог как абсолютное совершенство идет на общение с человеком на равных, как с Самим Собой. Не может Творец быть в единении с тем, что Ему инородно, что неподобно Ему, – не с личностью. Закон о том, что подобное стремится

к подобному, сформулировал Фалес, древнегреческий мыслитель. (Надо сказать, что для всех наук он общий. Только звучит он везде по-разному, но это его сути не меняет.) То есть Бог и человек стремятся друг к другу как подобные, как равные в совершенстве – они личности, хотя различны в другом.

Иными словами, в отличие от червя, в человеке совершенство раскрылось наиболее очевидно, наиболее явно и полно. Почему? Почему человек наиболее полно являет миру образ Божий, образ совершенства? Потому что мы являемся творением Божиим и в то же время личностью для Предвечного Совета в Благодати Духа Святого, в коем эволюционно наиболее сильно раскрыты грани совершенства любви и согласия, а не соперничества. То есть, несмотря на то что человек оказался в пределах земных реалий, он так и остался в прежнем Замысле Творца, то есть собеседником Бога, то есть не изменил своей природы – она только лишь воспалилась грехом, приняв образ того, с кем человек общался, – змеи.

78. Это очень важно сказать. Священное Писание нас предостерегает от очень страшной опасности. На ютьюб можно найти видео, на коем засняты люди, в малолетстве жившие среди животных. Они перенимают их образ мышления и образ жизни и до конца своих дней остаются в плену своих страхов, навыков и привычек. Хотя, попав в среду людей, они все же восстанавливают прежний человеческий вид со

страшными муками. Страшно то, что с этого момента, если бы они не попали вновь к людям, эволюция пошла бы в ином направлении. В этом подтверждение гипотезы о том, что вся флора и фауна произошли из человека. Дети, оказавшись без внимания родителей, обратили внимание на Бога не через тот посредник и дали толчок жизни в ином направлении эволюционного становления. Человек, общаясь со змием-искусителем, принял вид его, и с тех пор вся флора и фауна несет в себе этот же образ – образ того же змия-искусителя, войдя в данную сферу бытия через человека в его образе воспаления. Каждый из нас в себе несет его в виде желудочно-кишечной пищеварительной системы. Тут надо пояснить, о чем речь (эта мысль обсуждается в п. 77 из гл. «Эволюция. Что это?» и гл. «Древнеславянское наследие», где речь идет о смысловых синонимах слова «есть»). Как мог родиться мир из человека, если он был сотворен Богом? Тут рождение имеет иной смысловой оттенок. Представьте себе, что за вами идут люди. И вы их завели в темную комнату. Их образ жизни с этого момента изменился, и они вынуждены считаться с новой реальностью, то есть искать те же взаимоотношения на иных принципах. Для этого возникшего образа быть вместе этих людей родили вы. Все осталось тем же, все так же осталось творением Бога, но теперь родилось для жизни в иных условиях, в иных формах исповеди о Творце. Изменился план становления этих людей в образ Божьего совершенства. Но это лишь план,

иной путь к той же самой конечной цели – не более того. В этом же иной образ того же самого человека при грехопадении. Он тот же, но иначе хранит в себе образ Творца, а мы видим становление червя до образа Бога вновь – человек стал прямоходящим. (Теория эволюции Ч. Дарвина не посягает на Писание.) Это следствие богообщения, то есть эволюционного становления, как человека-маугли. Мы есть то, на что смотрим и с кем общаемся. После того как человечество приняло образ богообщения змия-искусителя, человек вновь начал перерождаться, общаясь с Богом. Иными словами, человек должен общаться только с Богом, чтобы хранить Его образ.

Исходя из сказанного в предыдущем абзаце, мне хочется подчеркнуть важное. Все суждения в «Русской философии. Анализе истории» – это попытка расширить границы понимания о человеке, о его природе, чтобы на этом основании дать ему новые установки в воспитательном процессе. К примеру, если мы скажем, что все произошло от человека, то человек ко всему его окружению должен относиться как к самому себе, ибо все вокруг – это он сам и есть, а потому нужна любовь к себе в образе заботы об окружающем мире. Ведь все вокруг – это часть его полноты, часть его самого. Именно поэтому каждый ученый, делая новое научное открытие во внутреннем мире материи и ее законов, подтверждает именно эту мысль: он узнает самого себя. Поэтому все вокруг него его же дополняет и стремится утвердить человека в его

вечности – стремится исцелить человека, способствуя движению его к подобию Бога. Если человек в Боге, то все абсолютно стремится взять на себя болезни людей, начиная с комара и заканчивая явлениями в природе. Поэтому, разворачивая производства, человек должен думать о том, а не будет ли это ножом в его же живом теле. Это особенно актуально в наши дни.

Если мы даем новое имя человеку, то многое в нашей жизни принимает иной оборот. Представьте себе, что некий юноша, гуляя по краю оврага, остутился и начал скатываться вниз, на дно. Изо всех сил он хватается за все, что попадает ему под руку. Он ничего не жалеет ради собственного спасения. Ломает ветви кустов, рвет высокую траву и так далее. Это же мы видим в Священном Писании. Адам до грехопадения дает каждой живой твари и форме жизни свое имя, как-то по-своему уникально раскрывающее Славу Божью, то есть характеризующее свое сопряжение к сослужению человека Богу. После грехопадения же Адам уже другой. Сказано, что он срывает листья смоковницы, чтобы хоть как-то сохранить прежнее отношение с Творцом, прикрыть свою наготу. Если там все гармонично и сопредельно в служении, то теперь Адам цепляется за все, разрушает ради своего спасения. И теперь Адам имеет сам уже иное имя и иное определение. Он теперь лишний во Царствии Небесном и творит свой образ во всем, делает таковым все, к чему прикоснулся. Вот это-то и есть самое страшное. Природа Адама воспалена, и теперь ему

прежней жизнью уже нельзя жить. Представьте себе раненного в живот бойца. Можно ли ему давать еду? Нет, ибо он погибнет. Сообразно сему и Рай человеку именно поэтому же становится опасным для жизни. Теперь все силы Божьи надо давать иначе, а именно так, чтобы не навредить человеку, – очень дозированно, малыми частицами.

Представьте себе, что вам налили полную тарелку борща. Вы берете ложку и маленькими порциями столовой ложки одолеваете всю тарелку. Если вам проглотить сразу всю порцию супа, то для каждого из нас сие становится смертельным. Этот прообраз имеет все вокруг, ибо все это родил Адам своим воспалением грехом. Если мы рассмотрим всю теорию эволюции, то увидим в ней правоту наших слов, ведь все это родилось из самого человека.

Так или иначе перед нами возникает новое определение человека. Он есть все вокруг нас. Начиная с комара и заканчивая природными явлениями. Исходя из этого мир перед нами предстает совсем иначе. Человечество гибнет само, ради своего спасения цепляется за все вокруг и ради себя убивает все живое. Мертвое родит только смерть. Но ведь человечество гибнет совсем по иной причине. Именно по той самой, по какой фашизм уничтожал людей в лагерях: по праву обладания силой смерти дали власть над миром. Только теперь эта реалья адаптировалась совсем иначе – они цепляются за все, ради себя убивая все живое. Русский же путь иной. Русские борются за каждого

человека. Каждый человек уже есть торжество жизни над смертью, только в аскезе.

Теперь, нося в себе змея, он преобразует природу его и теперь все более и более схож с Личностью Творца. Эволюция идет в пределах не сущностного, а только формального образа змея, но как исповедь о Творце и как молитва Ему, как необходимая грань полноты подобия Ему, ибо подобное может родить только свое же подобие. И этот момент, то есть быть в лоне Бога, так и остался самым важным условием жизни во всех ее проявлениях.

Опять же, рассуждая так, не следует говорить о том, что это ересь, ибо в таком виде видится и открывается нам мир, когда мы позиционируем себя иначе, чем те, кто писал Священное Писание. Мы пытаемся описывать бытие с помощью тех посылов, кои нам, земным, попали в поле зрения, кои открывает научное видение, и объясняем все с помощью их же. Так же как для слепого и глухого знание о человеке дается только в пределах того, чем они владеют, — чувственной природы рук. И на основе этого опыта с помощью ограниченных инструментов приходится делать какой-то анализ обо всей остальной полноте природы. Понятно, что он абсолютно ограничен.

Бог далеко от сил зла, то есть Он для них недостижим. И эта мысль о непознаваемости Творца дает нам ответ на самый важный вопрос. Бог недостижим для сил зла. В этом же прообразе живое на земле, в пределах тварности являясь Его

частью, стремится быть недостижимым для сил зла, для смертельной опасности и все смертельно опасное обходит стороной. Только поэтому все живое бережется, ходит только мимо смерти и не прикасается к ней. Этот образ недостижимости Бога и есть образ Пасхи Христовой, который заложен в природе живого, во всяком проявлении жизни. Все это было пророчеством о Воскресении Христа, а после Воскресения стало исповедью. Человек избегает смерти и этим исповедует Творца в Его образе недостижимости, сочетая в себе природу Его и образ змия-искусителя. Все живое в прообразе Пасхи Христовой – как свидетельство о Воскресении Его – пребывает в недостижимости Творца и держится на безопасном расстоянии от смерти. Все живое, имея свойство недостижимости Бога, бережет и отстаивает недостижимостью свою жизнь и этим несет в себе прообраз отношений Творца с миром.

Надо сказать о том, что зло нейтрализуется присутствием Бога. В этом случае зло становится еще одной формой торжества и превращается в добро. В чем зло дьявола? В том, что он живет приобщением к Богу кровавой жертвой. А его надо приобщить к иному пути бытия в Боге, чтобы не быть злом – бескровным. Пока этого не произойдет, говорить о Царствии Небесном в пределах земного бытия нельзя и невозможно. Что такое жизнь? Жизнь – в первую очередь это Божественная полнота. Если Он присутствует, то

неизбежно Ему сопутствуют все противоречивые крайности: и бесконечность, и конечность; и множественность, и единичество; и цельность, и раздельность; и скорость, и покой; и делимость, и неделимость; и простота, и сложность; и видимость, и невидимость; огромные величины и малая ничтожность; центр и периферия круга или сферы; и пустота, и бытие; и все, что досталось от змия-искусителя, и все, что в процессе эволюции все сильнее и сильнее вычленяется как подобие Богу. И так далее. К примеру, жизнь на вершине горы невозможна, ибо там нет флоры и фауны. В то же время только с вершины мир взору предстает как на ладони, как одно единое целое. Без этого также жизнь невозможна – будут ошибки блуждания. То есть важны и подножие горы с его флорой и фауной, и сама вершина с открывающимися только на ней возможностями. Противоречия озвученных крайностей и их взаимное дополнение совмещены в Божественной полноте, составляют природу жизни и в процессе эволюционного становления формально вычленяются, оставаясь при этом единым и цельным. То, как это сопряжено в природе человека, мы попытаемся разобрать еще более тщательно. Самое важное для всякого бытия – это личность, то есть счастье, коим является человек, – это основа, которую как-то надо удержать в природе Вселенной, коя и есть сама природа счастья – мотив всякой активности жизни. Личность и счастье – суть одно. Далее об этом говорить не буду, чтобы не загромождать внимание читателя, но об этом надо помнить

всегда. Итак, начнем.

Солнце светит и дает энергию всему живому, стимулируя своей световой активностью процессы. Получается, что телесной природой каждый из нас – это составляющая Солнца и вне его, этого светила, наша жизнь невозможна. То есть можно сказать, что телесностью человек – это видоизменившийся в процессе эволюции солнечный зайчик (от него, от человека в данном его образе, постепенно вышли и вычленились все известные формы живого – как флоры, так и фауны. Поэтому не человека следует называть гомо сапиенс, а именно все окружающее нас естество Вселенной. Такое определение человека важно дать, ибо оно становится началом воспитательной работы над людьми), а потому человек так и остается с самых ранних времен зарождения всего живого по природе своего естества световым потоком, идущим от Солнца к Земле.

Как-то иначе он жить не может и в процессе эволюции формируется в прообразе своего родителя, неся в себе весь спектр его свойств. Подобное рождает свое подобие. Солнце, оказавшись здесь, на Земле, фотоном рождает свое же подобие и в пределах Земли остается самим собой – Солнцем. Какие-то грани этого явления попадают нам, в поле нашего зрения, и то, как они выражены в природе человека, нам предстоит выяснить. С одной стороны, перед нами жизнь – как телесная составляющая души, как форма солнечной активности, как неотъемлемая часть центра галактики – Солн-

ца, вокруг коего вращается все и вся. А с другой стороны, нам явно предстает оттенок образа Бога – удаленная недоступность от этой звезды и вращающиеся вокруг него светила. Так как подобное порождает свое же подобие, то все это как-то должно выразиться в природе человека. Это, казалось бы, противоречие, в коем, с одной стороны, все мы являемся Солнцем, а с другой стороны, удаленность и «планетарная система с ее циклическим вращением вокруг него» – налицо противоречие и единство (человек – это физиологическая цикличность с центром). Вопрос в том, как все это сочетается в природе живого: центр, удаленность от центра и вращение. Это важно для формирования аскезы, ибо необходимо, чтобы она органично вписывалась в физиологию тела человека и не была ей инородной, ибо данное обстоятельство является условием счастья и вечности живого на Земле. Ведь именно в прообразе этого единства противоположностей формируется все живое. Рассмотрим, что такое точка. Точка – это уже есть величина отличия от пустоты, хотя и абсолютно малая, но уже степень отличия от составляющей нашу природу, от пустоты. То есть теперь будем работать с понятиями, кои функционально разворачиваются в пределах данной общности для всего – точки, то есть в пределах этой степени отличия от пустоты и при этом в пределах подобия ей, ибо подобное может родить только его же подобие. То есть все реалии, кои имеют хоть какое-то бытие, сопредельное точке, имеют подобие точки (сфера форм

и фигур). (Пустота для нас – это уже отсутствие горя, греха, то есть свойства радости Царствия Небесного.) А теперь вспомним, что такое прообраз пустоты – это и есть окружность со свойственным ей циклом (об этом ниже по тексту). Итак, пустота, отличие от пустоты в ее прообразе – окружность или иное выражение постоянства в чистом виде. Отличие от пустоты имеет иные проявления. К примеру, движение – в том числе. Итак, перед нами не просто кольцо, а движение по нему или в его образе. Вот такой образ сочетания всех четырех свойств в одном цельном теле. А так как это все образ пустоты, то сие и есть иное выражение счастья Царства Небесного. Давайте теперь конструировать сами тот образ живого, который будет нести в себе все эти реалии бытия в организме человека.

С одной стороны, мы – Солнце, а с другой стороны, мы далеки от него. Огненный шар, из коего исходит луч и соприкасается с земной поверхностью, образуя светлое пятно. Вот это светлое пятнышко уже есть человек телесный, ибо оно активирует процессы, кои эволюционно оформляются в живой организм в привычном для нас виде созерцания, то есть человека. В этом прообразе системы (огненный шар – луч света – активность) в организме выделяется голова в отдельный орган, причем самый главный. К тому же важно видеть то, что в самом порядке оформления тела тоже фотографическое отражение того же: голова ближе всего к небу и выше всего в теле – важное замечание, кое несет в себе вы-

ражение белой линии эволюционного становления, саму его цель и природу. Голова есть Солнце, а именно – само тело человека. Точнее, голова порождает в себе все остальные члены своего тела, кои подчинены только ее работе, то есть всякая деятельность заточена лишь для одного – улучшить работу головного мозга. Причем функционал зациклен на самом себе в прообразе пустоты, то есть цикличен, и всякое движение в нем циклично. Далее все остается только лишь формальными тонкостями, в формировании коих включается естественный отбор. И далее плодотворность этого функционала становится определяющим в естественном отборе фактором. Иными словами, чем продолжительнее, чем сильнее ясность ума, тем данное проявление жизни устойчивее в борьбе за свое утверждение в земном бытии. Мы, как и все живое, неизбежно следуя этому же принципу, так же эгоцентричны в прообразе единого центра Вселенной и в то же время являемся уникально сложившейся на Земле солнечной активностью и даже создаем новые образы этого одиночества единого центра во всякого рода системах и образованиях в прообразе вращающейся вокруг центра планетарной системы, то есть циклы составляют природу организма, его физиологию, его образ жизни и образ общественных отношений и – как неизбежность – природной аскезы. Ведь только цикличность – как образ пустоты – лежит в основании природы всякого аскетического подвига (хотя математика нам говорит о том, что образов постоянства пустоты множество).

Если мы позиционируемся в земных условиях бытия, то в прообразе удаленности Солнца от Земли мы должны быть удалены от всего, что мешает быть нам теми, кто мы есть по природе, – быть Солнцем в самом широком смысле этого слова, быть полнотой подобия Богу. Такова конечная цель эволюции телесного выражения образа Творца. Такое бытие становится историей человечества. Хотя, конечно, полнота рождается тем, что способно ее рождать, но для нас важно только то родившееся, кое оказалось в большей полноте подобия Ему в еще одной грани – в более продолжительной вечности форм. Это вычленяет для нас в процессе эволюционного становления такие формы полноты, которые, оберегая в себе образ Его, способны следовать иному образу Творца – недостижимости для зла, то есть способны прятаться или защищаться от покушения на природу живого – на природу этой полноты, вне коей нет жизни. Вот почему мы ходим мимо смертельной опасности в прообразе Пасхи Христовой.

Хотя, надо сказать, такое высказывание некорректно, ибо если мы что-то видим в этом мире, то мы видим только Источник Света вечной Жизни и, созерцая Его, идем к Нему. Если мы Его созерцаем, то идем к Нему, огибая препятствия, обходим их мимо, стороной. А если мы Его не видим, то во всем созерцаем препятствия, то есть смертельные опасности, и идем туда, куда смотрим. Видеть мы можем то, что есть сами по природе, но естество нашего зрения таково, что видеть мы можем только Источник Жизни, и видим мы

только Источник Жизни через то, что Им не является, через то, что им уже было ранее, – именно даже через смертельные опасности и посредством оных. Почему через смертельные опасности и почему они смертельны? Да потому, что не вписываются в понимание Бога, личности, то есть человек в них не узнает самого себя, а потому не может принять сие как утверждение своей жизни. Потом, позднее, даже препятствия станут понятны и впишутся в Речь Творца к нам, то есть даже в них, в препятствиях, человек узнает самого себя, но в данный момент – нет, и надо идти мимо них. Это возможно, если человек живой и видит Бога. А если нет, если мертв, то и все самые откровенные свидетельства о Нем станут препятствием. В принципе, все можно не говорить, ибо если есть любовь, то даже преграды – составляющие пути в вечность. Видеть вечную жизнь – это не свойство ума и науки, а само естество любви. Можно ходить даже по воде, как по земле, если есть любовь.

Нельзя путать Речь Его с тем, что от Него нас отводит, – это одно и то же, но мы это одно и то же неверно принимаем, из-за чего не видим Его, не видим в этом пути вечной жизни. Такова Речь Бога. Если мы понимаем Ее, то это означает только одно: мы владеем языком Его Речи и можем вести беседу с Ним тем, что пользуемся Его Словом в данном образе как Даром Творца, и оный, Дар, как-то своеобразно и свойственно Ему животворит и утверждает наше бытие. Причем земное – в том числе. Для любви жизнь вечна, но в земном

проявлении ей хочется оставаться собой, просто быть дольше всего – везде ее Божественная Сущность исповедует Себя одинаково, как на Небе, так и на Земле. Только поэтому в процесс естественного отбора включаются иные принципы выживания: видеть опасность максимально раньше, а точнее, видеть Творца в иных масштабных реалиях. То есть Бог велик, и зреть Его надо с максимального расстояния. Благодаря этому безопасность усиливается. То есть нужна как можно лучшая ясность ума, благодаря коей появляется возможность распознавать явления. Сие становится той целью, на достижение которой заточено все естество природы не только организма, но и даже всей Вселенной. Для лучшего присутствия любви сие есть необходимость. Солнце недосыгаемо для сил зла только для того, чтобы заглянуть в самые сокрытые уголки Вселенной, где тьма поглотила все. Недосыгаемость сопредельна с доступностью – это есть сопряжение в деле спасения и утверждения вечной жизни.

Даже в пределах нашего тела мы видим то же самое: наш головной мозг в процессе эволюции стремится как можно дальше в границах самого организма удалиться от всего происходящего в нашем теле, кое своим «шумом и выхлопами» покушается на его работу своей жизнедеятельностью, ибо ей всегда сопутствует весь спектр помех работе мозга. Более того, шея участвует в температурной стабилизации крови, поступающей в мозг. Это как сильно горячий чай поутру пить невозможно, надо ему дать остыть. Или представьте се-

бе, что вы оказались в машинном отделении корабля. Шум работы механизмов будет ли способствовать работе мозга? Нет. Поэтому капитан судна всегда в тиши капитанского мостика. Такое же мнение у эволюции всего живого.

Ясность ума – основа и условие верности принимаемого решения, а потому под ясность мышления заряжено все в организме человека. Повторюсь: в этом направлении шло эволюционное становление организма человека. Этот же момент выражен и в духовной жизни человека, имя коему экстаз (выход из себя). Духовное тело бережет свой мир от всего того, что покушается на него в окружающих условиях. В прообразе единства цельного организма Творца природа человека имеет одновременно и цельность, и разделение в границах цельности. Повторюсь, что даже сам организм человека – это мир, содержащий много инородного для работы мозга, ибо в самих биологических процессах есть сопутствующие им выделения ядов и вредных веществ. (Это как в двигателе внутреннего сгорания всегда много микростружки, коя, если не менять масла, несет урон механизму.) То есть в пределах рабочего цикла нашего организма ясность сознания ходит мимо смертельной опасности для этой ясности, мимо всего того, что несет в себе уничтожение ясности ума, притупление духовного мира, а значит, и радости. Опасность для ясности ума – это сами биологические процессы, активированные тяжелым физическим трудом и внутренними процессами пищеварения. И чем тяжелее физиче-

ские нагрузки, тем тяжелее беречь ясность ума, ибо нужна более хорошая изоляция ума от этих покушений. И вот тут мы приходим опять к той же самой главной мысли этой книги, о чем сказано будет на стр. 141-146: физическая тяжелая нагрузка – это бурливый поток воды, который стремится нас унести. Чем сильнее течение, тем тяжелее удержаться в образе постоянства, то есть стоять на месте в этом течении. И вот природа змия преобразуется в процессе эволюции, благодаря чему ясность ума теперь наиболее сильно изолирована от природы и в то же время остается единым целым с ней, дополняя ее до животельной вечности. В процессе страшной физической перегрузки радость, оказывается, может не смешиваться с чем-то иным, а продолжать быть изолированной от покушений на нее, как будто бы нагрузки нет вовсе. Причем в еще большей степени усиливаясь, ибо соединились в человеке две крайности. И, как мы видим в природе человека, в естественном отборе выжил не тот, кто мог владеть радостью благодаря силе или изворотливости, а тот, кто эту радость смог уберечь лучше всего и в большей полноте. Сама нагрузка физическая призвана, как ни странно, улучшать работу мозга, и ни для чего иного она в бытии появиться не могла. Потом уже она – как реальность – станет целенаправленной во имя иной необходимости. *В физическом движении ради усиления богообщения нуждались все, но как сделать, чтобы все были едиными, а не мешали бы друг другу работой физики? Нужно было объединить*

всех. Понятно, что это был кочевой образ жизни. Люди шли за стадами и жили охотой. Потом люди узрели, что оседлый образ ведения общезжития сильнее усиливает молитву, и занимались собиранием. Почему? Потому что так сильнее единство, ибо сытый желудок не является гарантом мира и любви, а теперь, живя в голоде, их любовь чище и вера тверже. Только по этой причине. Жизнь впроголодь делала народ более сплоченным в радости. Это стало важным моментом в дальнейшем естественном отборе. Далее они осознали, что, окультуривав растения, можно быть едиными в богообщении посредством земледелия. Этот опыт также стал возможным для людей, связанных между собой сильной любовью. Любовь друг к другу как единственная утверждающая живое сила, очищенная трудностями выживания. стимулированная собирательной экономикой и оседлым образом жизни, дала все остальное. Ведь для любви после грехопадения нужно постоянное очищение страданиями и трудностями бытия, а потому из-за высокой калорийности злаковых культур опять возникла необходимость направить силу, возвращенную оседлостью, ради стяжания той же любви в самом чистом виде на улучшение богообщения. Мы видим, что древний человек озабочен только одним: как можно лучше возвращать силу любви в обществе — это и есть мотив всех революций в обществе того времени и вообще любого времени. Здесь следует понимать очевидное: что если сосуд наполовину заполнен соком жизни, то

вторая половина – пустотой. Это означает, что половина пустоты будет нести в себе зло раздора – таково условие, в коем либо «да», либо «нет». Либо зло, либо добро, то есть третьего нет в природе вещей бытия. Значит, для полноты жизни тот же сосуд должен быть наполненным максимально, чтобы не было даже малых пустот, то есть надо отдаться целиком, без остатка только добру (так было с русским народом, который в 1965-1975 годах оказался наполовину пустым в этом прообразе, а потому пустота дала о себе знать – народ просто спился). А для народов Севера сей момент еще более очевиден и актуален, ибо день год кормит, то есть высочайшая интенсивность физических нагрузок требует только чистоты духовной, чистоты помыслов, предполагает только чистую веру в высочайшем проявлении чистоты любви. Злая мысль бьет по рукам, и Бог не дает делиться тем, что не является счастьем. Это, повторяюсь, актуально в суровых условиях Севера. Да и сила любви вне этой чистоты невозможна. Поэтому, чтобы полностью отдать себя Богу, Абсолюту Жизни вечной, чтобы вновь оказаться в той же кондиции тяжести жизни (а с появлением высококалорийных злаков в рационе питание привело к тому, что начали появляться пустоты в сосуде естества природы духа), люди начали строить дом усопшим предкам. Появился высочайший интенсив физического труда, который соединился с осмысленностью служения Богу, а потом даже возник календарь – как еще

одно дополнительное условие полноты в делах любви. Таков путь эволюции человека: при высвобождении сил и времени он думает о том, как бы побыстрее заполнить эту пустоту еще какой-то формой присутствия Абсолюта Жизни, но лишь бы этот сосуд был полон до краев, без остатка. Времени нет на раскачиваяния – надо все делать быстро, и это самый основной вопрос человечества. Вот о чем я говорю, когда утверждаю, что все известные научные доктрины вышли из науки об аскетическом подвиге. И никак иначе. Таким образом, кочевой образ жизни первобытных, оседлый образ жизни, земледелие, государственные образования, научный прогресс и так далее – все это есть формы аскезы, в коей наиболее оптимально утверждается любовь более полного нахождения себя во Царствии Небесном, все это образы жизни в Боге и в Его райских обителях уже здесь, на Земле. Все это призвано возвращать силу любви друг к другу в обществе.

Само по себе физическое упражнение в его механическом выражении появилось в бытии неспроста – это фундамент для активности ума, на коем зиждется радость, имеющая имена: любовь, счастье, мир и покой, вечность, постоянство, цельность, пустота горя, ясность мышления и ума и так далее. Точнее можно сказать, что такая формулировка некорректна, ибо на самом деле тело человека – это составляющая сердечных процессов, призванных поставлять в мозг самую чистую и насыщенную всем необ-

ходимым кровью. Просто все это зиждется на хорошей работе мозга, коя вне движения – как выражения Царства Небесного, как естественного фундамента для пребывания молящегося человека с Ним и в Нем – невозможна. Движение – это такой образ жизни в Раю.

Потом это движение являет нам иной образ Бога – цикличность. Позднее люди пришли к необходимости еще более усилить бытие в Боге – движение направили на строительство могильников. И так далее, о чем сказано в предыдущем абзаце: все максимально полностью и без остатка должно быть поглощенным Абсолютом Жизни и Его Любви. В пределах этого будет идти научно-техническая революция. Почему-то ученых этот момент ввел в ступор. Да, переход от кочевья (люди шли за стадом парнокопытных и питались от него) к оседлому образу жизни привел к тому, что рацион питания значительно оскудел; упал и достаток жизни, но людям нужно было выкристаллизовать любовь в самом чистом виде. Ведь только любовь обеспечивает живучесть в условиях жесточайшего естественного отбора, в коих оказался древний человек. Этим он побеждал всегда, и именно это он будет возвращать среди своих соплеменников. Таковы условия бытия во Царствии Небесном: как при жизни земной, так и после нее. Иными словами, вся история человечества – это такой культ любви в самом ее чистом виде. Далее мы уже будем вести обоснования этого понятия в самых непривлекательных формах, кои стали актуальны-

ми в современном мире. И вот тут-то важно сказать о том опыте, который был уже наработан в дохристианские времена, в эпоху так называемого «язычества». В этой работе не пытаюсь реформировать веру, но и путь ко Христу никто отменить не вправе, ибо оный всегда актуален. Все дело в том, что последними революциями, начиная с Петра Первого и заканчивая Октябрем 1917-го, сама вера православная осталась непорученной, но вот этот опыт пути ко Христу планомерно уничтожился. А ведь народ нужно вести к вере всегда, причем следуя теми же путями, коими шли славяне ко Христу в древнеславянском образе пути и веры.

Тут надо ясно себе представлять то, что само Евангелие – это уже очевидное, кое стало таковым благодаря сокрытому. Представьте себе, что вы смотрите бой боксеров-профессионалов. И вот вам говорят, что надо быть похожими на них. Но не говорят главного, а именно – каков путь к этому совершенству. Примерно так нам ныне несут православие, как уже нечто сбывшееся. Любовь надо стяжать всей жизнью и ради именно этого стяжания и жить. Будет любовь – будет рвение к подвигу, и к христианскому – в том числе или в первую очередь. А это и есть древняя славянская традиция, которая этот момент выкристаллизовала в чистейшем виде. Во всем том, что мы находим, речь идет о величественных сооружениях мегалитического периода и вообще обо всех формах сосуществования (совместная

охота на мамонтов), все это – такой тренировочный зал для подготовки к предстоящему бою. Только в нашем случае речь идет не о бое на ринге, а о жесточайшем естественном отборе и принятии Христа. Этот-то момент и является самым важным контрастом между современным православием и тем, которое было в те далекие времена и благодаря коему удалось выдержать нашествие Золотой Орды в течение 300 лет, да и вообще все тяжелые времена в суровых условиях климата. Монастыри являются хранителями пути к Богу.

Скажем иначе об этом же. Итак, мы изначально являемся насельниками только Царствия Небесного, несем в себе его выражение в виде системы «солнечное ядро – квант света – активность атома, вызванная взаимодействием этого кванта с поверхностью Земли» и изменить сему подобию Богу не можем, а если мы будем жить, то только в Нем, всецело погружившись в Него. Окружающий мир может исповедовать этот момент только естественным для него образом и в пределах его физических способностей это творить. Видимое нами пространство во всем своем многообразии и множественной бесконечности – это не зеркальное отражение происходящего в пределах невидимого мира Божьего (по Платону), а неотъемлемая видимая составляющая его активности, всеобъемлющей полноты общения, в коем постоянно пребывают личности. Это лишь видимая часть айсберга. Просто душе надо видеть мир Царствия Небесного еще и вот

таким образом, через многогранность материального мира, что становится также частью живительной полноты общения человека с Богом посредством телесности. Человек поисками Истины все сильнее и гармоничнее вписывается в этот диалог. То он носил на себе мощи усопших предков, то принял оседлый образ жизни, то начал строить могильники, то изобрел календарь, и теперь научный подход к богообщению позволяет еще большее. Просто для созерцания Царствия Небесного телесными очами и для непосредственной беседы с Личностью Творца телесными устами через все и вся сам выбранный нами инструмент и краски имеют такое естество, с помощью которого как-то иначе рассказывать о реальном положении дел у Бога невозможно. Даже сам момент зачатия новой жизни несет именно этот же прообраз: светило на небе, на самом деле зрим свет в конце тоннеля, стены коего – темнота пустоты вакуума. Это есть путь, в конце коего очень сильный яркий свет. В этом же прообразе вся наша жизнь – это тоже следование по этому самому, имеющему сообразность змию-искусителю, тоннелю, в конце коего под старость лет что-то мерцает все сильнее и сильнее («солнечное ядро – квант света – активность атома, вызванная взаимодействием кванта с поверхностью Земли»), Такова наша жизнь, ведь с кем общаешься, образ того и принимаешь (с кем поведешься, говорят, от того и наберешься). В этом суть грехопадения Первого Человека, после коего все мы так и несем в себе воспаление в прообразе этого змия, мы «мауг-

ли» в этом смысле. Сами по себе став ничтожеством во грехе, мы теперь созерцаем окружающий бесконечный, вечный, огромный, прекрасный мир Царства Небесного тоже в своем же образе – в образе ничтожества светящейся точки в конце тоннеля. Вечное и бесконечное видится нам таким, какими мы сами являемся, – временным и ничтожно малым. После общения с ним, приняв его образ – вид змия-искусителя, мы приобщаемся ко всей полноте Божественного не сразу, как это было естественно до грехопадения, а ничтожно малыми частицами. Мы, чтобы жить, в состоянии воспринимать только жалкие оттенки Божьего Бытия, причем в таком образе, коим сами являемся, – в распаде, то есть в том, чем реальность уже не является; мы видим только то, что уже было некоторое время назад. Для нас история пишется не актами любви, а утратами. Понимая сие, Христос во время Тайной Вечери Сам Себя называет Хлебом Жизни вечной. Во чреве нашем перемещаются поглощенный мир и целый космос. Все в окружающей нас реалии бытия имеет сообразность змию – все имеет линейность с началом и концом. Все вокруг сообразно сему. Да мы и сами временны и как бы идем по тоннелю от самого рождения, и «зубы, соки жизни пищеварительной системы ада» пытаются нас разрушить и потом разложить. В то же время сообразны сему – несем в себе змия, хоть и в преображенном виде, который все более и более ближе к образу Божьему, ведь общаться начали с Богом, с великим и вечным. В этом же прообразе предстает пе-

ред нами детородный женский орган, в коем имеется также этот же прообраз тоннеля со светом вечности в конце его. Он ведет к вечности жизни, хотя и в земном исполнении (то есть будущее человечества заложено в нем). Именно по этой причине древние устраивали культовые сооружения могильников-курганов именно в этом же прообразе (о чем свидетельствуют раскопы курганных захоронений). Для древних Солнце – это женская яйцеклетка, жаждущая оплодотворения. Вот еще один образ человека в единении с Богом.

Мы видим на небосводе только Солнце – как источник жизни, видимой телесными очами вечной. Ведь при созерцании Царствия Небесного телесными очами нам может открыться маленькая частичка Его во всех отношениях (в том числе ограниченная во времени), ибо в данной сфере бытия естественны только такие, привычные нам, формы свидетельства о Царствии Небесном, предстающие перед нашим взором в данном виде. Какое-то иное просто рвет нашу природу. Чтобы этого не произошло, Батюшка Небесный поспешил уберечь человека, удалив нас туда, где безопасно и по нашим природным возможностям принимать Его. Царствие Небесное, созерцаемое посредством духа, предстает совсем иначе: Оное все вокруг нас, и мы в Нем, но Законы бытия в Нем те же. Законы Царствия Небесного не противоречат законам видимого материального мира, ибо и то и другое – одно и то же, в коем: одно гармонично исповедует другое; одно гармонично следует за другим; и одно гармонично сле-

дует из другого. Всё в пределах Божьего мира счастья и радости. Мы ждем от материи чего-то большего, на что она неспособна, а ведь как-то иначе подчиняться этим законам духа материальный мир не в состоянии. А потому надо принимать все как есть и брать на вооружение даже такую исповедь о Нем.

Последняя мысль очень некорректна для выражения Истины, ибо Царствие Небесное, зримое телесными очами, – это не проекция мира невидимого в мире, созерцаемом очами телесными (согласно Платону). Царствие Небесное, зримое очами телесными и представляющее перед нами в привычном виде, – это уже жизнь в Раю, и общение с Богом – в нем. Просто подобное познается своим подобием, то есть всякая грань нашей природы может созерцать Царствие Небесное только через свою естественную соприродность – через подобие в Нем, через то, в чем эта грань нашего естества родственна Ему и едина с Ним в окружающем каждого из нас пространстве. Если мы видим яблоко, то сознание в нем видит не клетчатку, а то, носителем чего она является, – Дар Божий в виде сока и мякоти. Видим мы Его через то, что в нас самих есть Он в этой клетчатке яблока. И только этим яблоко нам притягательно красивое, даже если имеет неприглядный вид. Если оно из дерева, то сие изделие имеет только эстетическое значение.

Другой пример. Если мы видим человека, то душа видит не физическое тело, а душу, и радуемся только душе, а не

физическому телу. Если тело души не имеет, то душа, видящая мертвое или отсутствие души в другом теле, впадает в транс. Аналогично дух видит не материю, а то, носителем чего она является, – Дух Божий во всем, и этим Божественным происхождением все вокруг притягательно нам – мы Его, Дух, распознаем через все, подобно тому, как через живое яблоко телесными чувствами видим его сок и мякоть. Все оттенки нашего естества будут иметь функциональное подобие не потому, что одно следует из другого, а потому что все завязано на Нем. Так же как в быту у человека все заточено под служение человеку, иными словами: нет ничего лишнего вне этого плана. То есть все имеет значение не потому, что одно становится следствием другого, а потому что привязано в первую очередь к данному общему смыслу. Всё есть следствие только одного – общения личностей. Вот так, в общих чертах, перед нами раскрылась природа человека на основе нашего конструирования человеческого тела.

Раскрытие главной идеи этой темы лучше вести с помощью беседы двух людей. Пусть это молодой юноша и старец.

– Иными словами, то, что Бог недостижим, оказывается нашим спасением.

– Именно. Именно. Именно так. Эта любовь с ее свойством недостижимости Бога стала самым главным двигателем эволюции. Божественное недостижимо для семян зла, а потому они в Нем не прорастают. И этот момент заложен в привычном для нас образе человека как основа его фор-

мирования. Ведь у нас нет никаких достоинств, чтобы вести борьбу со смертью, кроме одной – мы стремимся быть в образе Бога, то есть стараемся жить там, где смертельной опасности нет. Мы во всех отношениях слабы и беззащитны, но живем тем, что не даем прорасти в себе семенам злобы. Мы ничего не имеем, кроме дара распознавать смертельную опасность, чтобы пройти мимо нее. Образ Пасхи Христовой заложен в нашей природе.

– Вот как? При чем тут недосыгаемость Творца и эволюция? В чем они совместимы? В уме не укладывается.

– Да я же тебе уже сказал. Чем ты слушаешь? Недосыгаемость – это конечная цель, к коей движется эволюционное развитие. Дело в том, что смертельную опасность мы можем распознавать. Чтобы пройти мимо нее, мы ее можем увидеть глазами. Мы можем услышать ее ушами и отойти в безопасное место. Мы можем почувствовать запах едкого дыма и понять то, что где-то пожар лесной, и искать безопасное место. На что мы еще способны, чтобы избежать смертельной опасности?

– Мы можем провести какие-то расчеты. Можем распознать опасность умом или интуицией. В отличие от червя, который распознает опасность только в границах непосредственного физического прикосновения его тела к ней. У человека, в отличие от зверей, этот дар распознавания имеет намного большую многогранность, и эволюция может идти только по этому пути – к большему количеству способов ви-

деть грядущее.

– Верно. А в грядущем – только Бог. В прошлом – только зло греха.

– Да, но как тогда понять то, что Христос, зная о том, что Его поведут на Голгофу, не спасался бегством?

– Это уже отдельная тема. И мы видим здесь некоторую двойственность. Дело в том, что видеть смертельную опасность – это еще не всё. Пройти мимо смерти нужно иной раз, только приближаясь к ней. Предвидеть смертельную опасность, о чем переживал Спаситель в Гефсиманском саду, – это хорошо, но сие есть только лишь прообраз, только лишь производная иного, более важного, сие есть только лишь следствие Божественного. В бытии вселенной есть То, над Чем смерть не властна. Смертельную опасность можно победить, даже не ведая о ней. Гениально этот момент нам показывают американцы в фильме «Форрест Гамп». Главная мысль этого кино изложена в самых первых минутах ленты. Перышко спускается с небес, ветрами увлекается в круговерть городской суеты, попадает даже под быстро мчащееся авто и, не сталкиваясь с ним, с потоками воздушных масс обтекает корпус машины. Далее выносятся на простор и устремляются дальше. Успокаивается на страницах открытой книги в руках одного уже немолодого человека. С этой секунды начинается сам фильм-повествование о его жизненном пути. Перышко легкое, и эволюционно сложилось так, что оно стало максимально подобно воздуху, а потому, даже

попав под стремительно едущий автомобиль, следует за ветрами, обступающими корпус механизма, так и не столкнувшись ни с какими преградами. У перышка нет никаких достоинств для противостояния, кроме одного – оное подобно воздуху и может следовать туда, куда движется он. И этого ему достаточно. У него нет должной прочности, как у алмаза. У него нет каких-то суперособенностей, кроме одной – оно максимально подобно воздуху.

– А, теперь понял. Так и человек, подобный Богу чистотой своей души и незлобивостью, остается, как Бог, недостижимым и проходит мимо смертельной опасности, даже не ведая о том, что она была на его пути. Бог, как воздух, везде, и в то же время Он там, где нет смерти. И в смертельной опасности надо своей чистотой быть с Ним, а значит, и там, где нет смерти. То есть чистый духовно автоматически следует за Ним. В этом тоже образ человечности, ибо если есть подобие Богу, то все остальные достоинства не имеют смысла. Смертельные опасности сами пройдут мимо, без всякого осмысления и борьбы с ними. Это подобие Богу и есть главная самозащита человека, даже если он оказался на Голгофе. Ему не нужны ни копыта, ни рога, ни пасть.

– Именно так. Именно так. Именно так.

– А где же двойственность, о коей вы, учитель, упомянули?

– Двойственность... Дело в том, что мы не призваны следить за миром опасностей... а призваны видеть живое Твор-

ца.

– Как так?

– Если мы прикоснулись к предмету рукой, то по каналам нервной системы сигнал от ладони поступает в мозговой центр. Если мы слышали звук, то из ушных органов сигнал поступает в тот же самый мозговой центр. Если мы открыли глаза, то от них поступает сигнал опять в тот же мозговой центр. Если мы что-то увидели или слышали звук и даже слова речи, то все это перерабатывает тот же самый мозговой центр. Что это значит, как по-твоему?

– По-моему, так устроен организм. Ничего более на ум не идет.

– Да, это так. Но мы либо понимаем происходящее, либо силится понять его. Через это все человеческий мозговой центр в общении с Центром Вселенной. Этот мозговой центр опосредованно его организма общается с Центром всего. И это аксиома. Все в этом мире имеет Начало всех начал, кое есть этот Центр Вселенной, Который сказал Слово Свое, и наш мозговой центр это Слово принимает посредством многогранной чувственной природы. Все это – речь Бога. Эти горы, эти реки и озера, леса и моря, эти предметы вокруг, этот шелест листвы и журчание ручья – это все слышимое и видимое. Это все через наше тело вводит в активность только один и тот же центр в мозге человека, и через этот центр личность видит личность и общается с ней. Ничего в этом мире вне данного диалога личностей нет и быть не может.

Все это вокруг – речь Бога, обращенная к человеку, и наоборот. Так было всегда, но эту форму общения породил сам человек грехопадением. Вопрос в другом. Вопрос в том, понимаем ли мы эту речь Бога к нам. Ведь хаос – это такой порядок, который можно распознать только в одном случае – если мы находимся в Замысле Творца на естественном для человека месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.